

INSPIRIA

ЭММА ЧЕЙЗ

ROYAL

— ПРИНЦ НИКОЛАС —

LOVE

18+

INSPIRIA

Эмма Чейз
Принц Николас
Серия «Pink room.
Влюбиться по-королевски»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317413

Принц Николас: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-116448-5

Аннотация

Николас Пембрук особа королевских кровей. Он чертовски обаятелен и знает об этом. Одной снежной ночью на Манхэттене принц встречает темноволосую красавицу Оливию Хэммонд, которая не бросается ему в ноги, а швыряет ему в лицо пирог! Так начинается их страстный и сложный роман.

Проблем от таких отношений не приходится долго ждать, все норовят испортить влюбленным жизнь: королевские родственники, вездесущие папарацци и, самое неприятное, толпы поклонниц принца. Сможет ли Николас защитить их любовь и доказать Оливии, что корона не главное, а главное – их любовь?

Содержание

Пролог	5
1	7
2	23
3	32
4	59
5	71
6	85
7	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Эмма Чейз

Принц Николас

Emma Chase

ROYALLY SCREWED

Copyright © 2016 by Emma Chase All rights reserved,
including the right to reproduce this book or portions thereof in
any form whatsoever.

© Подшивалова В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2021

Пролог

Мое первое воспоминание ничем не отличается от всех остальных. Мне три года, и это мой первый день в садике. По какой-то причине моя мать проигнорировала тот факт, что я мальчик, и одела меня в ужасный комбинезон, рубашку с рюшами на манжетах и лакированные ботинки. Я планировал при первой же возможности испортить свой наряд.

Но не это я сильнее всего запомнил.

На тот момент видеть объективы камер, преследующие меня, было привычно, как видеть птицу в небе. Я должен был к ним привыкнуть, и думаю, что так и произошло. Но в тот день все шло по-другому.

Потому что там были сотни камер.

Они заполняли каждый дюйм тротуара и улиц, собирались у входа в мой детский сад, как одноглазые монстры, готовые напасть. Я помню голос своей матери, нежно успокаивающий, когда я вцепился в нее, но я не мог разобрать ее слова. Они были заглушены щелчками затворов и криками фотографов, зовущих меня по имени.

– Николас! Николас, сюда, улыбнись! Посмотри сюда, малыш! Николас, сюда!

Тогда я впервые заметил, что мы другие. Годы спустя я понял почему. Всемирно известные, узнаваемые, наша жизнь привлекала внимание газет.

Слава – странная, мощная вещь. Она похожа на приливы и отливы. Люди захлебываются в ней, она их захватывает, но со временем слава отступает, и бывший объект ее внимания становится никем.

Этого никогда не случится со мной. Я знал, что мое имя вошло в историю еще до моего рождения и останется в ней и после того, когда я превращусь в пыль. Дурная слава временна, популярность быстротечна, а король... король вечен.

Николас

Можно было подумать, что я уже привык и не замечаю, как за мной наблюдают, пока я сплю.

Но это не так.

Я открываю глаза, чтобы увидеть тощее и морщинистое лицо Фергуса, склонившегося в нескольких дюймах от моего лица.

– Черт возьми!

Не очень приятный вид.

Он посмотрел на меня неодобрительно, и затем его взгляд стал блуждать по комнате. Мы с братом всегда думали, что он имеет удивительную способность видеть все и сразу, в то время как его пристальный взгляд направлен в противоположную сторону комнаты.

В каждом стереотипе есть что-то от истины. Я всегда подозревал, что стереотип о снисходительном, но вздорном слуге начался с Фергуса.

Бог знает, морщинистый ублюдок довольно старый.

– Я прождал слишком долго, пока вы проснетесь. Думаете, у меня нет других дел? Я уже подумывал вас просто ударить. – Он выпрямляется у моей кровати, насколько его древний позвоночник позволяет ему.

Он преувеличивает. О наличии других дел, а не о том,

чтобы ударить меня.

Я обожаю свою кровать. Это подарок на мое восемнадцатилетие от короля Женовии. Это блестящее произведение искусства с четырьмя стойками с ручной резьбой XVI века, выполненное из бразильского красного дерева. Матрас набит мягчайшим пухом венгерского гуся, а в египетских хлопковых простынях количество нитей настолько высоко, что это незаконно в некоторых частях света. Все, чего я хочу, это перевернуться и скрыться под ними, как ребенок, который не хочет идти в школу.

– Вы должны появиться в зеленой гостиной через двадцать пять минут, – скрипучее предупреждение Фергуса, как наждачной бумагой проходится по моим ушным перепонкам.

Нырнуть под одеяло уже не вариант. Это не спасет вас от вооруженного мачете психопата... или плотного графика.

* * *

Иногда мне кажется, что я шизофреник. Диссоциативный, возможно, с раздвоением личности. В этом не было бы ничего необычного. Всевозможные расстройства встречаются и в нашей родословной: гемофилия, бессонница, лунатизм... рыжие. Думаю, я должен чувствовать себя счастливым, что у меня ничего такого нет.

Моя проблема – голоса. Не тот вид голосов, которые зву-

чат в моей голове, а ответы на вопросы, которые не соответствуют тому, что вылетает из моего рта.

Я почти никогда не говорю то, что действительно думаю. Иногда я так полон дерьма, что мои глаза становятся коричневыми. Возможно, это и к лучшему.

Я думаю, что большинство людей идиоты.

– И мы возвращаемся к разговору с его Королевским Высочеством Принцем Николасом!

Говоря об идиотах...

Светловолосый, худощавый мужчина, который сидит напротив меня и проводит это увлекательное интервью? Его зовут Тедди Литтллок¹. Нет, реально, это его фамилия и то, что я слышу, это не оксюморон. Можете ли вы представить, каково ему было учиться в школе с такой фамилией? Этого почти достаточно, чтобы я чувствовал себя плохо. Но не совсем.

Литтллок журналист, а у меня есть особый вид брезгливости по отношению к ним. Миссия СМИ всегда заключалась в том, чтобы загнать могущественных людей в угол и засунуть их проступки в их аристократические задницы. Что в некотором смысле хорошо, большинство аристократов первокурсные ублюдки. Все об этом знают. Меня волнует, когда это незаслуженно. Когда в опубликованном нет ничего правдивого. Когда поблизости нет грязного белья, СМИ протащат через дерьмо накрахмаленную рубашку и создадут

¹ Дословно – маленький член. – *Здесь и далее примеч. ред.*

свое. Вот вам оксюморон: журналисты чисты.

Тедди не просто журналист, он журналист, одобренный Дворцом. В отличие от его собратьев, которые используют подкуп, шантаж, ложь, он получает прямой доступ – как это интервью – в обмен на глупые вопросы. Это ошеломляет.

Выбирая между скукой и ложью, что бы предпочли вы: чтобы его застрелили или зарезали?

– Чем вы занимаетесь в свободное время? Какое у вас хобби? – спрашивает он.

Видите, о чем я говорил? Это как интервью модели Плейбой: «Я люблю ванну с пеной, бои подушками и долгие прогулки по пляжу обнаженной». Она этого не делает. Но суть вопроса не в том, чтобы информировать о своем досуге, а в том, чтобы укрепить фантазии парней, которые дрожат на нее.

То же самое и для меня.

Я усмехаюсь, показывая намек на ямочки – женщины падки на них.

– Ну, большинство ночей я люблю читать.

Ложь.

На самом деле я люблю трахаться.

Это, вероятнее всего, предпочли бы услышать большинство моих фанатов. Но скажи я так, во Дворце все сошли бы с ума.

Тем не менее, на чем я остановился? Правильно – на сексе. Мне нравится трахаться долго, жестко и часто. Положив

ладони на упругую, круглую попку, прижимать к себе девушку, слышать ее сладкие стоны, отскакивающие от стен, когда она сжимается вокруг моего члена. У этих вековых комнат фантастическая акустика.

Хотя некоторые мужчины выбирают женщин за их талант держать ноги широко разведенными, я предпочитаю тех, кто хорошо держит язык за зубами. Уверенность и нерушимость соглашения о неразглашении позволяют сохранить большинство грязных историй подальше от газет.

– Мне нравится верховая езда, поло, а во второй половине дня – стрелять по глиняным тарелкам с королевой.

Снова не то. Я люблю скалолазание, быструю езду, полеты, хороший виски, фильмы категории В, пассивно-агрессивный словесный обмен с королевой.

Именно последнее держит королеву на ногах. Мое остроумие – это для нее источник молодости. К тому же это хорошая практика для нас обоих. В Весско конституционная монархия, поэтому в отличие от наших церемониальных соседей королева имеет те же права, что и парламент. Это делает из королевской семьи политиков. Вершина пищевой цепи, без сомнения, но все равно политики. А политика – это быстрый, грязный, скандальный бизнес. Каждый скандалист знает: если ты хочешь принести на кулачный бой нож, то нож должен быть хорошо заточен.

Я скрещиваю руки на груди, демонстрируя загар на своих предплечьях. С закатанными рукавами бледно-голубой

рубашки-оксфорд он особенно хорош. Мне сказали, что у некоторых частей моего тела есть бешеные подписчики в Твиттере. Затем я рассказываю историю моей первой охоты. Фанаты обожают ее. Я могу рассказывать ее во сне. Тедди хихикает на том месте, когда мой засранец младший брат загрузил в пусковую установку навоз вместо голубя.

Он успокаивается, поправляет свои очки, показывая этим, что сейчас начнется грустная часть программы.

– В этом мае будет уже тринадцать лет с момента трагической авиакатастрофы, унесшей жизни принца и принцессы Пембрук, – он действительно это произнес.

Я молча киваю в ответ.

– Вы часто думаете о них?

Резной тиковый браслет давит на руку.

– У меня много счастливых воспоминаний о родителях. Но самое главное для меня, что продолжают существовать их дела, которые они защищали, благотворительные организации, которые они поддерживали, пожертвования, которые названы в их честь. Это их наследие. Помогая фондам, которые они поддерживали, я гарантирую, что их будут помнить всегда.

Слова, слова, слова, разговоры, разговоры, разговоры. Я хорош в этом. Много говорю, но на самом деле не отвечаю на вопросы.

Я думаю о них каждый день.

Быть чересчур эмоциональным – это не наш путь. Дер-

жаться молодцом, вперед и только вперед. Король умер, да здравствует король. И пусть для мира они были парой королевских особ, но для меня и Генри они были просто нашими мамой и папой. Они были хорошими, веселыми и настоящими. Они часто нас обнимали и наказывали, когда мы этого заслуживали, а случалось это частенько. Они были мудрыми и добрыми и очень сильно любили нас, что достаточно редко встречается в наших кругах.

Интересно, что они бы сказали обо всем, и как бы протекала наша жизнь, будь они живы.

Тедди снова начинает говорить. Я не слушаю, но мне и не надо. Последние пару слов – это все что мне нужно услышать.

– ...леди Эсмеральда в прошлые выходные?

Я знаю Иззи с наших школьных дней в «Бриар-Хауз». Она умница, но хулиганка.

– Мы с леди Эсмеральдой старые друзья.

– Просто друзья?

Также она лесбиянка. Факт, который ее семья хочет скрыть от прессы. Я ее любимое прикрытие. Наши взаимовыгодные свидания организуются через секретаря Дворца.

– Я следую правилу не разбалтывать подробности своей личной жизни, – я очаровательно улыбаюсь.

Тедди наклоняется, улавливая намек на историю. История.

– Итак, можно ли ожидать, что между вами будет что-то

большее? Страна была рада наблюдать за развитием отношений ваших родителей. Люди ждут от вас, «Его Королевская Сексуальность», как они вас называют, что вы найдете свою леди и остепенитесь.

– Все возможно, – я пожимаю плечами.

Но в ближайшее время я не собираюсь жениться. И он может поспорить на свой маленький член.

* * *

Как только жаркий луч света гаснет и красный огонек камеры перестает мигать, я встаю со своего стула, снимая микрофон, прикрепленный к моему воротнику.

– Спасибо за ваше время, Ваша Светлость. – Тедди слегка склоняет голову согласно протоколу.

– Мне это всегда в радость, Литтлкок, – киваю я в ответ. Вряд ли кто-то так ему говорит.

Бриджет, мой персональный секретарь, дородная, средних лет, хорошо обученная женщина, появляется рядом с бутылкой воды.

– Спасибо, – я отвинчиваю крышку. – Кто следующий?

«Дарк Сьютс» решили, что сейчас самое подходящее время для пиара, что подразумевает под собой дни интервью, туров и фотосессий. Для меня же это персональный четвертый, пятый и шестой круги ада.

– На сегодня он последний.

– Аллилуйя!

Она идет рядом со мной, пока я шагаю по длинному коридору, который в итоге приведет меня в «Гатри-Хаус» – мои личные апартаменты во Дворце Весско.

– Скоро прибудет лорд Эллингтон. Договоренность насчет ужина в *Bon Repas* подтверждена, – говорит Бриджет.

Дружить со мной гораздо сложнее, чем вы думаете. В смысле, я хороший друг, но с другой стороны, моя жизнь – это геморрой. Я не могу просто внезапно пойти в паб или повеселиться в новом клубе в пятничную ночь. Все это должно быть распланировано и организовано. Спонтанность – это единственное, что я не могу получить в своей жизни.

– Хорошо.

Бриджет направляется в офис во дворец, а я захожу в свои личные покои.

Три этажа, полностью модернизированная кухня, кабинет, библиотека, две комнаты для гостей, комнаты для прислуги, две огромные комнаты с балконами, с которых открываются самые захватывающие виды на планете. Все полностью восстановлено и обновлено: цветы, гобелены, каменная кладка, лепнина. И сохранены их исторические ценности. «Гатри-Хаус» – это официальная резиденция принцев и принцесс Пембрук – наследника, кто бы им ни был. До меня это был мой отец и моя бабушка до ее коронации.

Королевская власть – это огромные подержанные вещи.

Я направляюсь в спальню, расстегивая рубашку и с нетер-

пением желая оказаться в душе, включив его на полную мощность. Мой душ чертовски фантастический.

Но я не дохожу до него.

На лестнице я встречаю Фергуса.

– Она хочет видеть вас, – хрипит он.

И она не нуждается в дополнительном представлении.

– Когда? – отвечаю я, провожу рукой по лицу и царапаюсь о щетину.

– А когда вы думаете? – насмехается Фергус. – Еще вчера, конечно.

Конечно.

* * *

В былые времена трон был символом власти монарха. На рисунках его изображали с восходящим солнцем над ним, облаками и звездами, под ним же место для потомка самого Бога. Если трон был символом власти, то тронный зал был местом, где властвовал порядок. Где были выпущены указы, зачитаны наказания, и фраза «принесите мне его голову» отражалась от холодных каменных стен.

Это было тогда.

Сейчас королевский офис – это то место, где делают это все, а тронный зал используют для экскурсий. И вчерашний трон – это сегодняшний рабочий стол. И сейчас я сижу напротив него. Он блестящий, из прочного красного дерева и

невероятно большой.

Если бы моя бабушка была мужчиной, я бы предположил, что она кое-что компенсирует им.

Кристофер, личный секретарь королевы, предлагает мне чай, но я отказываюсь, махнув рукой. Он молод, около двадцати трех лет. Такой же высокий, как я, и привлекательный в стиле актеров боевиков. Он не страшный секретарь, но и не самый острый гвоздь в коробке. Я думаю, Королева держит его на побегушках, потому что ей нравится на него смотреть. Старая развратница. В своей голове я зову его Игорь, потому что если бы моя бабушка сказала ему ничего не есть, кроме мух до конца жизни, он бы просто спросил: «С крыльями или без?»

Наконец примыкающая к голубой гостиной дверь открывается, и Ее Величество королева Ленора стоит в дверном проеме.

Есть обезьяны в колумбийских тропических лесах, которые являются самыми восхитительными животными на свете. Их привлекательность заставляет сгореть от стыда пушистых хомячков и маленьких собачек на *Pinterest*. За исключением скрытых острых зубов и аппетита к человеческим глазным яблокам. Те, кто покупается на яркий внешний вид, обречены потерять их.

Моя бабушка во многом похожа на этих злобных маленьких обезьян.

Она выглядит как бабушка. Невысокая и маленькая, с

мягкими пушистыми волосами, маленькими аккуратными руками, тонкими губами, которые могут смеяться над грязной шуткой, и мудрым лицом. Но ее глаза выдают правду.

Темно-серые глаза.

Тот взгляд, который заставит противоборствующую армию сбежать. Потому что это взгляд завоевателя... непобедимый.

– Николас.

Я поднимаюсь и кланяюсь.

– Бабушка.

– Оставь нас, – произносит она, проносясь мимо Кристофера и даже не смотря в его сторону.

Я сажусь после нее и перекидываю лодыжку на колено, небрежно скользя рукой по спинке стула.

– Я видела твое интервью, – начинает она. – Ты должен больше улыбаться. Ты должен выглядеть счастливым мальчиком.

– Я постараюсь запомнить, чтобы притворяться счастливым.

Она открывает центральный ящик своего стола, доставая клавиатуру. Бабушка справляется с ней намного лучше, чем вы можете подумать о людях ее возраста.

– Ты видел вчерашние заголовки?

– Нет.

Она поворачивает монитор ко мне. Затем быстро щелкает по одной новости за другой.

«ПРИНЦ ТУСИТ В ОСОБНЯКЕ «ПЛЕЙБОЙ»

«ГЕНРИ «РАЗБИВАТЕЛЬ СЕРДЕЦ»

«РЭНДИ КОРОЛЕВСКИЙ»

«ДИКИЙ, БОГАТЫЙ И МОКРЫЙ»

На последних снимках показан мой брат, ныряющий в бассейн голым, как младенец.

Я наклоняюсь вперед, щурясь.

– Генри будет в ужасе. Освещение жуткое, едва можно разглядеть его татуировку.

– Ты находишь это забавным? – произносит она, поджигая губы.

Скорее я нахожу это раздражающим. Генри незрелый, немотивированный бездельник. Плывая по жизни, он летит в том направлении, куда дует ветер, как перышко по ветру.

– Ему двадцать четыре, он только что уволился со службы... – отвечаю я, пожимая плечами.

Обязательная военная служба. Любой житель Весско, мужчина, женщина или принц, должны отслужить два года.

– Его уволили несколько месяцев назад, – перебивает она меня. – И с тех пор он перебрал восемьдесят развратниц.

– Вы пытались позвонить ему на мобильный?

– Конечно, я пыталась, – заявляет она. – Он отвечает, изображает звук помех и врет, что не слышит меня. Потом говорит, что любит меня и кладет трубку.

Мои губы растягиваются в ухмылке. Этот трюк... это я научил его.

Глаза королевы потемнели, как приближающийся шторм.

– Он в Штатах, Лас-Вегасе. В скором времени собирается посетить Манхэттен. Я хочу, чтобы ты поехал и забрал его домой, Николас. Генри надо приструнить, и меня не волнует, если его нужно будет ударить и надеть ему на голову мешок.

Я посетил почти все большие города мира, и из всех я больше всего ненавижу Нью-Йорк.

– Мой график? – спрашиваю я.

– Был переделан. Находясь там, ты посетишь несколько мероприятий вместо меня. Я нужна здесь.

– Я предполагаю, что вы будете в Палате Общин? Заставите наконец этих засранцев работать?

– Я рада, что ты поднял этот вопрос, – бабушка скрещивает руки на груди. – Ты знаешь, что происходит с монархией без стабильной линии наследников, мой мальчик?

Я щурю глаза:

– Конечно, знаю. Я изучал историю в университете.

– Просвети меня.

Я пожимаю плечами. Она продолжает:

– Без четкой последовательности бесспорных наследников власть может быть захвачена. Начнутся распри. Возможна гражданская война между разными домами, которые увидят возможность заполучить трон.

Волосы на затылке встают дыбом. А мои ладони начинают потеть. Это то чувство, когда оказываешься на первом холме на американских горках. Тик, тик, тик...

– Что вы хотите этим сказать? Если Генри и я попадем в какую-нибудь катастрофу, всегда есть кузен Маркус.

– Кузен Маркус слабоумный. Он женат на слабоумной. А его дети дважды проклятые недоумки. Они никогда не будут править этой страной.

Она поправляет свое жемчужное ожерелье и вздергивает нос.

– В парламенте ходят разговоры об изменении церемониального суверенитета.

– Они всегда о чем-то говорят.

– Не сейчас, – резко обрывает она. – Это другое. Они держатся за торговое законодательство, безработица растет, зарплатy падают.

Она стучит по экрану.

– Эти заголовки не помогают. Людей больше волнует еда на столах, в то время как их принц прыгает из одного роскошного отеля в другой. Мы должны дать прессе какой-то позитивный репортаж. Мы должны дать людям праздник. И мы должны показать парламенту, что с нами лучше дружить, или мы будем контролировать их.

Я киваю, соглашаясь. Как глупый мотылек, хлопаю крыльями в сторону пламени.

– А как насчет Дня гордости? Мы могли бы открыть балльный зал для посетителей, устроить парад? – предлагаю я. – Люди любят такие вещи.

– Я думала о кое-чем... большем. О чем-то, что захватит

внимание всего мира. Событие века, – произносит она, одновременно постукивая пальцами по подбородку.

Ее глаза блестят, как у палача перед тем, как опустить топор.

И топор опускается.

– Свадьба века.

Николас

Все мое тело застыло. И, думаю, органы тоже перестали работать. Мой голос груб, с бессмысленной, нелогичной надеждой я спрашиваю:

– Тетя Мириам снова выходит замуж?

Королева складывает руки на столе. Плохой знак. Это под-сказка, говорящая о том, что все, что она решила в своей голове, не сможет разрушить даже ураганный ветер.

– Когда ты был мальчиком, я пообещала твоей матери, что дам тебе возможность выбрать себе жену, как твой отец выбрал ее. Я смотрела и ждала, а сейчас я больше не могу ждать. Твоя семья нуждается в тебе; твоя страна нуждается в тебе. Поэтому ты должен будешь объявить имя своей невесты на пресс-конференции... в конце лета.

Ее заявление шокирует меня, и я вскакиваю на ноги.

– Это всего лишь через пять чертовых месяцев!

Она пожимает плечами.

– Я хотела дать тебе тридцать дней. Ты можешь поблагодарить своего дедушку, он уговорил меня дать тебе больше времени.

Она имеет в виду портрет, висящий напротив нее на стене. Мой дедушка умер десять лет назад.

– Может, вам лучше меньше концентрироваться на моей

личной жизни и больше переживать о прессе, которая может узнать, что вы говорите с портретами.

Сейчас ее руки тоже находятся на столе, и она наклоняется ко мне.

– И это один портрет – не хами мне, Ники.

– Ничего не могу поделать, – многозначительно смотрю на нее. – Я учился у лучших.

Она игнорирует этот выпад.

– Я составлю список имен подходящих молодых леди – кого-то ты знаешь, а с кем-то незнаком. Это наш лучший курс действий, если ты не дашь мне повода думать иначе.

И у меня ничего нет. Мое остроумие покидает меня так быстро, что в моей голове остается лишь след от пыли. Потому что договорные отношения – это мудро, она права – королевская свадьба убьет двух зайцев сразу. Но зайцам плевать, что правильно, они просто увидят, как камень полетит в их головы.

– Я не хочу жениться.

Она пожимает плечами.

– Я не виню тебя. Я тоже не хотела надевать тиару королевы Бельвидеры, твоей прапрабабушки на свое двадцатиполетие, она была слишком тяжелой. Но мы должны выполнять свой долг. Ты это знаешь. Пришла твоя очередь, принц Николас.

Должно быть, причина в том, что она путает слова «долг» и «дерьмо».

И она приказывает мне не как моя бабушка – она приказывает как моя королева. Вся жизнь в воспитании в себе ответственности и чести, право наследия – все это делает для меня невозможным отказаться.

Мне нужен алкоголь. Прямо, твою мать, сейчас.

– Это все, Ваше Величество?

Она несколько секунд смотрит на меня, затем кивает.

– Это все. Хорошей поездки; мы поговорим об этом снова, когда ты вернешься.

Я встаю, наклоняю свою голову, разворачиваюсь и ухожу. Как только дверь за мной закрывается, я слышу вздох.

– Ох, Эдвард, где мы поступили неверно? Почему все должно быть так сложно?

* * *

Час спустя я вернулся в «Гатри-Хаус», сижу перед камином в гостиной и протягиваю пустой стакан Фергусу для дозаправки. Еще одной.

Это не значит, что я не знал, что от меня ждали, весь мир об этом знал. У меня есть одна работа: передать свою кровь тигра следующему поколению. Зачать наследника, который однажды заменит меня, а я в свою очередь заменю свою бабушку. И буду управлять страной.

До сих пор все это казалось теорией. Когда-нибудь, однажды. Королева здоровее, чем вся конюшня, – в ближайшее

время она никуда не денется. Но сейчас... свадьба... то ли еще будет.

– Вот он!

Я могу по пальцам сосчитать людей, которым могу доверять – и Саймон Барристер, 4-й Граф Эллингтон, один из них. Он приветствует меня мужскими объятиями с пылающей улыбкой. И когда я говорю пылающей, я имею в виду в буквальном смысле – его лицо ярко-красного цвета, с корочкой по краям.

– Что, черт возьми, случилось с твоим лицом?

– Чертово карибское солнце ненавидит меня. Независимо от того, сколько солнцезащитного крема я использовал, оно нашло способ спалить меня как щепку! – Он подталкивает меня. – Зато можно креативно провести медовый месяц, если ты понимаешь, что я имею в виду. Мазь от ожогов может быть достаточно скользкой.

Саймон женился в прошлом месяце. Я стоял рядом с ним у алтаря, хотя старался изо всех сил, чтобы он сбежал.

У него большое сердце и великолепный ум, но ему никогда не везло с женщинами.

Медные волосы, молочно-белая кожа и лишний вес, который ни теннис, ни езда на велосипеде не смогли согнать. Но потом появилась Френсис Алкотт. Френни не любит меня, и это взаимно. Она потрясающая – я опишу ее так: темные волосы и глаза, лицо ангела, кожа как у фарфоровой куклы.

Такой, у которой голова внезапно начинает вращаться во-

круг шеи перед тем, как она затащит вас под кровать и задушит.

Фергус приносит напиток Саймону, и мы садимся.

– Так, я слышал, Старая Птица отпустила молот брака.

Лед постукивает в моем стакане, когда я выпиваю свой напиток залпом.

– Все так.

– Ты знаешь, как это бывает здесь. У стен есть уши и больши́е рты. Каков твой план, Ник?

Я поднимаю свой стакан.

– Быстрее напиться, – я пожимаю плечами. – К тому же у меня нет плана.

Я бросаю в него бумажку.

– Она составила список потенциальных невест. Полезных для нее.

Саймон просматривает список.

– Это может быть весело. Ты мог бы провести кастинг, как X-Фактор² – «Покажи мне свой двойной-D³ талант».

Я поворачиваю шею, пытаясь размять образовавшийся узел.

– Более того, мы должны поехать в чертов Нью-Йорк и вернуть обратно Генри.

– Я не понимаю, почему ты не любишь Нью-Йорк – там

² X-Фактор – формат телевизионных конкурсов талантов, созданный британским продюсером Саймоном Коуэллом.

³ D – имеется в виду размер груди.

хорошие шоу, отличная еда, длинноногие модели.

Мои родители возвращались из Нью-Йорка, когда их самолет упал. Это по-детски и глупо, знаю, но что я могу сказать, я злопамятен.

Саймон поднимает руки.

– Подожди, что ты имеешь в виду под «мы должны поехать в чертов Нью-Йорк»?

– Страдания любят компанию. Это значит дорожное путешествие.

К тому же я ценю мнение Саймона. Если бы мы были мафией, он был бы моим консьюлери⁴. Он смотрит в стакан, будто тот хранит в себе все секреты мира и женщин.

– Френни не обрадуется.

– Подари ей что-нибудь блестящее из магазина.

Семья Саймона владеет «Барристер», крупнейшим универмагом в мире.

– Кроме того, вы только что вместе провели месяц. Ты, должно быть, устал от нее.

Секрет долгих и успешных отношений состоит в частых отлучках. Это сохраняет новизну, веселье – и нет времени для неизбежной скуки и раздражения.

– Нет никаких тайм-аутов в браке, Ник, – посмеивается он. – Ты сам скоро в этом убедишься.

Я указываю на него пальцем.

⁴ Консьюлери – в мафии советник семьи, человек, которому дон может доверять и к советам, которого прислушивается.

– Ценю сочувствие.

– Вот для чего я здесь.

Я до дна осушаю стакан. Снова.

– Кстати, я отменил наши планы на ужин. Потерял аппетит. Я сказал службе безопасности, что мы отправляемся в *The Horny Goat* на всю ночь.

The Horny Goat самое старое деревянное строение в городе. Он расположен в месте, которое раньше было правильно называть дворцовой деревней – дома, окружающие дворец, где жили слуги и солдаты. В те дни *The Horny Goat* был борделем, сейчас же это паб. Стены кривые и крыша протекает, но это самый лучший чертов паб в стране, насколько я могу судить. Я не знаю, что Макалистер – это владелец – делает, но ни один рассказ не появился обо мне или моем брате после ночи в его пабе.

А некоторые были дикими.

Мы с Саймоном уже в доску пьяные, когда подъезжаем к пабу. Логан Сент-Джеймс, глава моей личной охраны, открывает дверь машины для Саймона и меня, его глаза следуют вниз и вверх по тротуару в поисках опасности или камер.

Внутри пахнет несвежим пивом и сигаретами, но этот запах так приятен, как свежеиспеченные булочки. Потолки низкие, а пол липкий, здесь есть даже караоке и сцена в дальнем углу, где сейчас качается светловолосая девушка, исполняющая новую песню Адель. Мы садимся в баре, и Мег – дочь Макалистера – протирает стойку и сексуально улыбает-

ся.

– Добрый вечер, Ваше Высочество.

Саймон получает кивок, но и не менее сексуальную улыбку.

– Лорд Эллингтон.

Потом ее светло-карие глаза возвращаются ко мне.

– Видела вас по телевизору сегодня. Вы хорошо выглядели.

– Спасибо.

Она качает головой.

– Я не знала, что вы любите читать. Забавно, все то время, что я провела в вашей комнате, я не заметила ни одной книги.

Голос Мег эхом отражался от стен моей спальни, она громко стонала. Ее соглашение о неразглашении находится у меня дома в безопасности. Я почти уверен, что оно никогда мне не понадобится, мой первый «разговор» с отцом был не о птичках и пчелах, а о том, как хорошо иметь у себя соглашение о неразглашении, которое тебе никогда не понадобится, чем не иметь то, что может понадобиться.

Я ухмыляюсь.

– Должно быть, ты проглядела их. Когда ты была там, книги тебя не интересовали.

Женщины, живущие от зарплаты до зарплаты, воспринимают отношения на одну-три ночи лучше, чем аристократки. Благородные дамы избалованы, требовательны, они при-

выкли получать все, что хотят, и, в свою очередь, злопамятны, когда получают отказ. Но девушки, как моя прелестная барменша, привыкли знать, что есть вещи в жизни, которые они не в состоянии получить.

Мег улыбается, тепло и понимающе.

– Что будете сегодня пить? Как обычно?

Не знаю, из-за заполненного ли интервью дня или пинты скотча, которую я выпил, но адреналин проходит через меня, мое сердцебиение ускоряется – и ответ становится таким понятным.

Королева держит меня за яйца, и мне придется прочистить голову для завершения этой мысли, но, несмотря на это, у меня еще есть время.

– Нет, Мег. Я хочу что-нибудь другое, что-нибудь, что я еще не пробовал. Удиви меня.

Если бы вы узнали, что мир, который вы знали – жизнь, которую вы знали, – закончится через пять месяцев, что бы вы сделали?

Конечно, вы бы максимально использовали время, которое у вас осталось. Сделать все, что вы хотели сделать, – все, что вы хотели сделать так давно. Пока есть время.

Ну... что же, похоже, у меня появился план.

Оливия

У нормальных людей почти никогда не бывает дней, которые бы полностью изменили всю их жизнь. Я имею в виду, вы знаете хоть кого-нибудь, кто выиграл в лотерею, или был найден голливудским агентом в торговом центре, или унаследовал готовый к переезду, не облагаемый налогом особняк от давно забытой и умершей бабушки?

Я тоже.

Но вот какое дело, когда для редких везунчиков эти дни все-таки приходят, мы их не замечаем, понятия не имеем, что произошло что-то эпичное, монументальное. Меняющее жизнь.

Это уже потом, после того как все вернулось на круги своя или же развалилось на части, мы оглядываемся назад, восстанавливаем в памяти наши шаги и осознаем: вот он тот самый момент, когда жизнь разделилась на до и после.

А потом меняются не только наши жизни. Меняемся мы. Навсегда.

Я должна была бы знать, что день, который изменит мою жизнь, будет из тех самых дней. Дерьмовых.

У нормальных людей их много.

Он начался, когда я открыла глаза на сорок минут позже, чем нужно. Тупой будильник. Кому, черт возьми, надо про-

сыпаться в четыре утра? Никому. Забудьте об автомобилях с автопилотом, Гуглу нужно перенаправить свои силы на разработку самоуправляющихся будильников.

Мой день продолжает свой путь по нисходящей спирали. Я натягиваю рабочую одежду: белую блузку, полинявшую черную юбку, слегка рваные колготки. Собираю непослушные черные кудри в пучок и направляюсь в мини-кухню, не открывая глаз. Я насыпаю себе в миску *Cinnamon Toast Crunch* – лучший сухой завтрак на свете, но когда я поворачиваюсь взять молоко, мои хлопья за три секунды сжигают наш дьявольский пес Боско.

– Ублюдок!

Я кричу почти шепотом, потому что сестра и отец будут спать еще несколько часов.

Боско был дворнягой и выглядел соответственно. Тело чихуахуа, широко посаженные коричневые глаза мопса, обильная шерсть лысеющего ши-тцу. Он из того вида собак, которые уродливы, но на самом деле милы. Иногда я задаюсь вопросом, не является ли он результатом извращенного собачьего союза. Моя мама нашла его в переулке за нашим кафе, когда он был еще щенком. Тогда он был маленьким голодным существом, в общем, как и сейчас, восемь лет спустя. Клянусь, он бы съел всю еду в доме, если бы мы ему позволили.

Я беру коробку хлопьев, чтобы снова наполнить свою миску, но она оказывается пуста.

– Замечательно, – говорю я воришке.

Он смотрит на меня грустными глазами, когда спрыгивает со столешницы, на которой не должен сидеть. Затем заваливается на бок и подставляет живот, раскаиваясь.

Но я не куплюсь.

– О, вставай. Имей хоть немного достоинства.

После альтернативного завтрака, состоящего из яблока и тоста, я хватаю розовый блестящий поводок Боско, который купила моя сестра, как будто у бедного существа и так не хватает комплексов, и пристегиваю к ошейнику.

Это здание существует с 1920 года, оно было многоквартирным, пока первый этаж не переделали под ресторан, когда на выборах победил Джон Кеннеди. Есть и другой выход, который ведет на кухню кафе, но Боско нельзя там находиться, поэтому я выхожу через главный вход, вниз по узким зеленым ступенькам, которые ведут к тротуару рядом с кафе.

Святые сосульки, как же холодно!

Это один из тех мартовских деньков, которые внезапно наступают после теплых дней, заставляющих поверить, что зима ушла. Ты не успеваешь убрать в коробки свитера, ботинки и зимнее пальто, когда Матушка Природа говорит: «Прости, сосунок» – и кидает в твою задницу холодный ураганище.

Серое небо и ветер, растрепавший мою прическу. У моей бедной блузки, которая имеет только две пуговицы, и те сейчас застегнуты криво, нет шансов.

Она расстегивается.

Прямо перед Питом Мусорщиком-Извращенцем. Мой белый кружевной лифчик практически ничего не скрывает, а соски встречают арктический холод во всей своей заостренной красе.

– Хорошо выглядишь, детка! – орет он с бруклинским акцентом так фальшиво, что, кажется, будто пытается высмеять всех людей, говорящих так. Он облизывается. – Дай мне попробовать эти сладкие дыньки. Я мог бы получить немного теплого молока для утреннего кофе.

Фууу.

Он держится одной рукой за заднюю часть грузовика, а второй трет свою промежность. Господи, ребята, – это мерзко. Если бы это было дешевое порно, то чудесной мстью было бы, если бы он случайно упал в мусорный бак, а измельчитель мусора магическим образом включился, разрезая его на части. К сожалению, это всего лишь моя жизнь.

Но я родилась и выросла в Нью-Йорке. Так что есть только одна подходящая реакция.

– Пошел ты в задницу! – кричу я во всю силу своих легких, поднимая обе руки над головой и гордо показывая средние пальцы.

– В твою – в любое время, сладкая!

Пока его грузовик едет вниз по улице, я демонстрирую ему вслед все неприличные жесты, которые знаю. Щелчок большого пальца по зубам, щелчок по подбородку, рога и

шлепок по бицепсу, поднятая ладонь с прямыми пальцами, также известная как Итальянский Салют, – точно так же, как это делает бабушка Милли.

Единственной проблемой было, что когда я шлепнула себя по руке, то выронила поводок, и Боско рванул, как вылетевшая прямиком из ада летучая мышь.

Когда я застегиваю блузку и пытаюсь одновременно бежать, то думаю: «Господи, какой же хреновый день. А еще даже нет пяти утра».

Но это была только верхушка чертова говно-айсберга.

* * *

Я пробежала три квартала, прежде чем поймала это маленькое неблагодарное существо. Когда возвращалась обратно, с неба начали падать маленькие снежинки, словно перхоть.

Раньше я очень любила снег. То, как он покрывает землю вокруг бриллиантовым сверкающим слоем, делая все кристально чистым и новым. Превращая фонарные столбы в ледяные скульптуры, а город – в волшебную зимнюю сказку.

Но это было раньше. Когда у меня еще были деньги для оплаты счетов и бизнес процветал. Теперь при виде снега все, о чем я думаю, это как долго будет длиться день и как мало денег мы заработаем, потому что магическим образом исчезнут все клиенты.

Хлопающий звук заставляет меня повернуть голову, чтобы обнаружить бумагу, прилепленную к двери кафе. Мы получили второе уведомление о потере прав выкупа, не считая дюжины телефонных звонков и электронных писем, которые можно описать несколькими словами: «Сука, лучше бы у тебя были мои деньги».

Но у суки ничего нет.

В течение нескольких месяцев я пыталась отправить в банк столько, сколько могла, даже если этого было очень мало. Но когда денег перестало хватать на выплаты нашим сотрудникам и поставщикам, я прекратила.

Отрываю письмо от двери, радуясь, что увидела его раньше, чем кто-то из посетителей. Поднимаюсь наверх, захожу в квартиру и иду на кухню.

Там действительно начинается мой день. Я разжигаю древнюю печь, нагревая ее до четырехсот градусов. Затем надеваю наушники. Моя мама была большим фанатом музыки и фильмов из 80-х. Она говорила, что люди никогда не создадут что-то подобное снова. Когда я была маленькой, я сидела на табуретке здесь, в этой кухне, и наблюдала, как она делает все эти вещи. Она была как художник, создавая один съедобный шедевр за другим, с женскими рок-балладами от *Heart*, *Scandal*, *Joan Jett*, *Pat Benatar* и *Lita Ford*, звучащими на заднем фоне. Эти же песни есть и в моем плей-листе, они раздаются из наушников и сейчас.

В Нью-Йорке насчитывается более тысячи кафешек. Что-

бы оставаться на плаву и конкурировать с такими большими сетями, как *Starbucks* и *The Coffee Beanery*, у семейных магазинчиков должна быть своя фишка, что-то особенное. В «Амелии» – это наши пироги. Сделанные вручную, свежие, по рецептам моей мамы, которые достались ей от бабушки, привезенные с далекой родины.

Но откуда именно, мы точно не знаем. Моя мама всегда называла нашу национальность *Heinz*⁵ – всего понемногу.

Но пироги – это то, что держит нас на плаву, несмотря на то что с каждым днем нас затапливает все сильнее и сильнее. Пока *Vixen12* поет о разбитом сердце, я смешиваю все ингредиенты в большой миске, хотя на самом деле она больше похожа на котел. Затем замешиваю липкое тесто. Это довольно хорошая тренировка для мышц предплечья, слабые руки – это не про меня. Как только тесто становится нужной консистенции и однородного цвета, я наклоняю миску и выкатываю гигантский шар на середину покрытой мукой разделочной доски. Я раскатываю его в большой прямоугольник, сначала ладонями, затем скалкой, останавливаясь каждые несколько минут, чтобы присыпать мукой. Как только тесто становится равномерно тонким, я разрезаю его на шесть ровных частей. Этого будет достаточно для трех пирогов с двойной корочкой, и я успею сделать еще четыре таких захода до открытия. По вторникам, четвергам и субботам я смешиваю обычную начинку из яблок, вишни, черни-

⁵ Heinz-57 – сленг: беспородная собака (дворяня).

ки и персиков с лимонной меренгой, шоколадом и банановым кремом.

Разложив по формам первую партию с двойной корочкой, я мою руки и направляюсь к холодильнику. Откуда я достаю шесть пирогов, которые приготовила вчера, и отправляю их в духовку разогреться до комнатной температуры. Это будут одни из тех пирогов, которые я подам сегодня, они всегда лучше на второй день. Дополнительные двадцать четыре часа дают время впитать хрустящей корочке коричневый сахарно-фруктовый сироп.

Пока они разогреваются, я перехожу к яблокам, чищу и нарезаю их так быстро, словно японский шеф-повар из ресторана хибати⁶. Я неплохо управляюсь с ножом, но загвоздка в том, что нож должен быть хорошо заточен. Нет ничего опаснее тупого лезвия. Если вы хотите лишиться пальца, то это то, что вам нужно.

Я посыпаю яблоки белым и коричневым сахаром, затем корицей и мускатным орехом, все это я кидаю в большую миску, чтобы полностью покрыть кусочки. Мне не нужно читать рецепт или пользоваться мерным стаканом – я могу приготовить пирог с закрытыми глазами.

Это раньше я скрупулезно, не спеша, делала пироги, пряча начинку под рыхлым тестом корочки, продавливала рельеф по краям и красивый узор с помощью вилки.

Сейчас в этом нет ничего расслабляющего. С каждым мо-

⁶ Хибати – национальное блюдо в Японии, также название японского гриля.

им движением усиливается беспокойство, словно сирена полицейской машины воем в голове, что эти пироги не продадутся, а водонагреватель внизу окончательно сломается, и мы окажемся на улице.

Мне кажется, я ощущаю, как морщинки появляются на моем лице так же, как и микроскопические родинки. Я знаю, что за деньги счастье не купишь, но возможность приобрести душевное спокойствие в виде недвижимости сейчас не такая уж и плохая идея.

* * *

Когда толстые, маслянистые пузырьки карамели уменьшаются, я вытаскиваю пироги и ставлю их на прилавок.

В это время на кухню, прыгая по ступенькам, спускается моя сестра. Элли можно описать как гиперактивную личность с длинным блондинистым хвостом... и сейчас она надевает серебряные серьги с жемчугом.

– Это мои сережки? – спрашиваю я.

Ставив из миски чернику, она подбрасывает ее и ловит ртом.

– *Mi casa es su casa*⁷. Технически это наши серьги.

– Но они лежали в шкатулке в моей комнате!

Это единственные серьги, которые не окисляются в моих

⁷ Мой дом – ваш дом (*исп.*).

ушах, делая мочки зеленого цвета.

– Пф. Ты же не носишь их. Тебе даже некуда в них пойти, Ливви.

Она не старается быть сучкой, просто ей семнадцать, так что это неизбежно.

– И жемчуг любит, когда его носят – это факт. Если очень долго хранить его в темной коробке, он теряет свой блеск и тускнеет.

Она всегда говорит странные факты, которые никто, кроме Jeopardy!⁸, не понимает. Элли действительно очень умная, а это значит: углубленная школьная программа, Национальное Почетное Общество⁹, досрочное поступление в университет Нью-Йорка. Но книжные знания и здравый смысл – это две разные вещи. Кроме того, что она умеет запускать стиральную машинку, я не думаю, что сестра действительно понимает, как устроен реальный мир.

Она проскальзывает в рукава поношенного зимнего пальто и натягивает вязаную шапку на голову.

– Я пойду, у меня тест по математике на первом уроке.

Элли выбегает через черный ход, когда Марти, наш официант, посудомойка, вышибала и непревзойденный ремонтник в одном лице, заходит через него.

⁸ Jeopardy! – телевизионная игра-викторина, популярная во многих странах мира.

⁹ Национальное Почетное Общество является общенациональной организацией в США и прилегающих территорий, состоит из лучших учеников старших школ.

– Кто, твою мать, забыл сказать зиме, что она закончилась? – Он стряхивает белые хлопья со своих кудрявых черных волос, качая головой, как собака после купания. И теперь стена возле него становится в белую точку.

Марти вешает свое пальто на крючок, пока я наполняю первый фильтр кофемашины свежим молотым кофе.

– Лив, ты ведь знаешь, что я люблю тебя, как младшую сестренку, которую всегда хотел бы иметь.

– У тебя она уже есть.

На самом деле у него их три, тройняшки Биббиди, Боббиди и Бу. Мама Марти была все еще под кайфом от обезболивающего, когда заполняла свидетельства о рождении, врачи немного напутали с дозировкой во время родов. А отец, раввин из Квинса, решил не спорить с женщиной, из которой только что извлекли «массу, эквивалентную трем арбузам».

– Ты не выводешь меня так, как это делают они. И по причине, что я люблю тебя, должен сказать, что ты выглядишь, как будто только что вылезла из помойки, а не из кровати.

То, что жаждет услышать любая девушка.

– Утро было тяжелое. Я проспала.

– Тебе нужен отпуск. Или хотя бы выходной. Тебе стоило бы пропустить стаканчик и отдохнуть. Я посетил вчера новый бар в Челси и познакомился там с потрясающим парнем. Глаза Мэтта Бомера и улыбка Шемара Мура, – он поиграл своими бровями. – Мы должны сходить туда сегодня вместе.

Я передаю ему фильтр, когда грузовик заезжает в пере-

улок. Следующие двадцать минут я ругаюсь с толстошеим качком, потому что не собираюсь платить за чертов заплесневелый Даниш¹⁰, который он пытается мне всучить.

А день становится все лучше и лучше.

Я включаю освещение на улице и переворачиваю табличку, меняя «ЗАКРЫТО» на «ОТКРЫТО» ровно в шесть тридцать. По привычке поворачиваю замок на двери, он сломан уже несколько месяцев. У меня не было возможности купить и поставить новый.

Поначалу снег не выглядит такой уж катастрофой, мы готовим кофе навынос для людей, спешащих на работу. Также к нам заглядывает миссис Мак-Гиллакути, девяностолетняя женщина, которая живет двумя кварталами ниже по улице, и ежедневная прогулка до кафе для нее что-то вроде утренней зарядки.

Но к девяти часам телевизор создает фоновый шум, пока мы с Марти наблюдаем в окно, как снегопад превращается в снежную бурю века. Нет даже «слабого пульса клиентов», так я это называю.

– Предчувствую генеральную уборку холодильника и кладовой, а еще мытье печи, ты со мной?

Мы также в состоянии получать удовольствие от выпол-

¹⁰ Danish (*Danish pastry*) – выпечка с начинкой из сыра, чернослива, миндальной пасты, конфитюра и т. п. Популярный завтрак, особенно на Восточном побережье. Хотя плюшки могут и иметь «датские корни», их часто ассоциируют с нью-йоркскими еврейскими деликатесами. В Калифорнии из-за их формы плюшки называют иногда «улитками».

нения дел по хозяйству.

Марти поднимает свою кофейную кружку и говорит:
– Показывай дорогу, подруга.

* * *

Я отправила Марти домой в полдень. Было объявлено чрезвычайное положение, по дорогам могут передвигаться только служебные транспортные средства. Элли врывается в магазин, словно вихрь, радуясь, что школа сегодня закончилась раньше, и сразу же убегает обратно, чтобы переждать непогоду в гостях у своей подруги. Несколько покупателей заглядывали в течение дня, закупаясь пирогами на время бури.

В шесть я погружаюсь в работу над счетами, а это означает – разобраться с документами, grossбухами и предупреждениями из банка. Разложив их на столе перед собой, начинаю просматривать все эти бумажки. Цену на сахар подняли – засранцы. Кофе подорожал – ублюдки. Я отказываюсь экономить на фруктах. Еженедельно отправляю Марти на ферму Максвелл – они выращивают лучшую продукцию во всем штате.

К девяти тридцати мои глаза начинают слипаться от усталости, и я, так и не закончив, решаю закругляться.

Возвращаюсь на кухню и убираю в холодильник пирог, завернутый в полиэтиленовую пленку. Я слышу звон колоколь-

чика над дверью, затем улавливаю голоса двух мужчин, которые, заходя, ругаются между собой.

– Мои пальцы чертовски замерзли. Надеюсь, я не заработал обморожение, ведь мои пальчики – это то, что так любит Френни, она говорит, что это ее третья любимая часть меня.

– Твой банковский счет – это ее первая, вторая и третья любимые части тебя. И напрасно ты кряхтишь, как старуха. Мы не так уж и долго гуляли.

Голос второго парня привлекает мое внимание. У них обоих есть акцент, но его голос звучит глубже и мягче. Его слова словно обволакивают, такое чувство, будто ты погружаешься в теплую ванну после долгого дня, это дарит расслабление и блаженство.

Я захожу в зал через кухонную дверь. О боже, у меня сейчас потекут слюнки.

Он одет в смокинг, черный галстук развязан и небрежно свисает с его шеи, две верхние пуговицы белоснежной рубашки расстегнуты и дают обзор на небольшую часть загорелой груди, в основном скрытой под материей. Смокинг сидит на нем в обтяжку, щедро демонстрируя рельеф мощных и упругих мышц под ним. Его волевой подбородок будто выточен из мрамора. Мощная челюсть, высокие скулы, за которые убила бы модель с обложки GQ. Прямой нос и прекрасный рот, созданный, чтобы шептать темные, грязные вещи. Мужественные брови над серо-зелеными глазами, довольно редкий цвет морского стекла на солнце, обрамленные длин-

ными угольно-черными ресницами. Его волосы темные и густые, несколько прядей упали на лоб, придавая ему легкий и одновременно раздраженный вид пофигиста.

– Привет.

– Ну... привет. – Уголки его губ немного приподнимаются. И это выглядит многообещающе.

Мужчина рядом с ним, рыжеволосый, немного пухлый, со сверкающими светло-голубыми глазами, говорит:

– Пожалуйста, скажите, что у вас есть горячий чай и вы спасете меня.

– Да, у нас есть чай, и для вас он будет стоить всего лишь 2 доллара 25 центов.

– Я вас обожаю, вы официально мой самый любимый человек.

Они выбирают столик возле стены, брюнет передвигается с такой уверенностью, как будто владеет этим местом, да что там, так, будто он владеет всем миром. Он садится на стул, откидывается на спинку, колени разведены, а его глаза установились на меня так внимательно, что кажется, парень видит меня насквозь.

– А вы не присядете? – спрашиваю я у двух мужчин в черных костюмах, стоящих по обе стороны от входной двери. Я готова поставить свои чаевые на то, что это телохранители. Я видела достаточно богатых и популярных людей в городе, чтобы с легкостью вычислить их, хотя эти парни выглядят моложе.

– Нет, будем только мы, – отвечает мне брюнет.

Интересно, кто он. Может быть, сын богатого иностранного инвестора? Или актер, у него имеется и красивое тело, и лицо для этого. И его энергетика. Это что-то непередаваемое, этот парень как будто говорит: «Обрати внимание, уверен, ты хочешь меня запомнить».

– Вы, ребята, довольно смелые, чтобы гулять в такую погоду, – с этими словами я кладу на стол два меню.

– Или глупые, – ворчит рыжий.

– Это я вытащил его, – говорит брюнет, в словах проскальзывает издевка, – улицы пусты, только сейчас я могу спокойно прогуляться.

Его голос заговорщицки понижается:

– Они выпускают меня из клетки всего несколько раз в год.

Я без понятия, что это значит, но эти слова, услышанные от него, самая захватывающая вещь, которая случилась со мной за весь день. Черт, это убого.

Рыжеволосый изучает меню.

– Что у вас тут есть особенного?

– Наши пироги.

– Пироги?

Я постукиваю карандашом по своему блокноту.

– Я сама их готовлю. Они лучшие в городе.

Брюнет мурлычет:

– Расскажи мне больше о своем великолепном пироге. Он

настолько вкусный?

– Да.

– Сочный?

Я закатываю глаза.

– Прибереги это.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, оставь эти намеки, связанные с пирогами. – Мой голос понижается, и я повторяю мерзкие слова, которое слышала уже не один раз: – Подай мне твой пирожочек, и я буду есть его всю ночь, детка.

Он смеется, этот звук даже лучше, чем его голос.

– А что насчет твоих губ?

Я смотрю в его глаза.

– А что насчет них?

– Они так сладко выглядят. На вкус они такие же, как и на вид? Уверен, что да.

У меня пересыхает во рту, а остроумный ответ теряется где-то на полпути.

– Не обращайтесь внимания на этот «жалкий бардак», – говорит рыжий, – Он напивается уже третий день подряд.

«Жалкий бардак», поднимая серебряную фляжку, дополняет:

– И я на пути к четвертому.

На мою долю выпало видеть немало пьяных в стельку парней из братства после вечеринки. И должна сказать, этот парень хорошо все скрывает.

Рыжий закрывает меню.

– Я бы хотел чай и вишневый пирог. И персиковый. И, черт возьми, дайте мне также черничный, говорят, в этом сезоне он моден.

Его друг фыркает себе под нос.

Я поворачиваюсь к нему.

– Яблочный, – тихо говорит он, заставив звучать безобидное слово невероятно сексуально. У меня тянет в животе, как у героини романтического фильма «Легенды осени», когда она увидела героя Брэда Питта, скачущего к ней верхом на лошади.

Либо у него есть встроенное в голосовые связки устройство, вызывающее вожделение, либо мне срочно нужно перепихнуться. Ох, кого я обманываю, конечно же, мне нужно перепихнуться. Я потеряла свою девственность, когда мне было семнадцать, с моим парнем из средней школы. С тех пор, после Джека, у меня никого не было, я не удивлюсь, если моя плева восстановилась заново. Я не фанат интрижек на одну ночь, но у кого есть время для отношений? Точно не у меня.

У рыжеволосого звонит телефон, и он отвечает по громкой связи, я могу слышать разговор из кухни, где готовлю их заказ.

– Привет, милый! Мне кажется, прошла уже целая вечность с нашего последнего разговора, и я боялась, что усну, когда ты позвонишь, поэтому и решила набрать тебя сама.

У говорящей по телефону женщины также есть акцент, она тарыхтит очень быстро и звучит довольно бодро.

– Сколько энергетиков ты выпила, Френни?

– Три, и чувствую себя прекрасно! Я собираюсь принять ванну с пеной, и, помня, как сильно ты любишь меня в пузырьках, предлагаю перейти на *FaceTime*, чтобы ты мог наблюдать за мной!

– Пожалуйста, не надо, – с сарказмом звучит чувственный голос.

– Это кто, Николас, Саймон?

– Да, он здесь со мной. Мы решили перекусить.

– Черт, я думала ты один. С купанием придется повременить. Кстати, я сшила тебе две новые рубашки, должна сказать, они чудесно получились. Не могу дождаться, когда же ты их наконец-то увидишь!

Саймон пожимает плечами, объясняя ее слова своему другу:

– Шитье – ее хобби. Она любит делать новую одежду для меня.

В ответ брюнет спрашивает:

– Она может сшить себе кляп?

Френни, которая, видимо, все слышит, кричит из трубки:

– Отвали, Ники!

После того как Саймон заканчивает разговор, обещая принять ванну с ней вместе, когда вернется в номер, мужчины продолжают беседу, но теперь уже намного тише. Я успе-

ваю застать конец разговора, когда возвращаюсь из кухни с чашкой чая и тарелками с пирогами.

– ...узнал трудный путь. Все продается и все имеет цену.

– Боже, да ты просто очаровательный клубок света, когда напьешься, жаль, что не так часто злоупотребляешь спиртными напитками.

В голосе Саймона слышится сарказм.

Я чувствую, как эти серо-зеленые глаза наблюдают за мной, пока я расставляю тарелки на столе. Теперь, когда я узнала, как его зовут, он как будто стал еще сексуальнее. Николас – красивое имя.

– А ты что думаешь, голубка? – спрашивает он, обращаясь ко мне.

Я ставлю перед ним заказ, в это время Саймон уже копается в своем черничном пироге.

– Что думаю о чем?

– У нас только что был спор. Я считаю, что все и всех можно купить за правильную цену. Что ты думаешь по этому поводу?

Было время, когда я была моложе, глупее и намного навивнее, как Элли сейчас, и тогда бы я сказала «нет». Но в реальном мире идеализм – это первое, что нужно отпустить.

– Я согласна. Деньги решают все.

– Черт возьми, теперь вы оба меня удручаете, – говорит Саймон, – мне, возможно, понадобится еще один кусочек пирога.

По лицу Николаса медленно расплзается великолепная улыбка. Она странно влияет на меня, делая голову легкой, а колени – ватными. У него есть ямочки, и как я раньше их не заметила? Они являются одним из атрибутов его чертовской сексуальности, добавляют игривости, мальчишеской красоты к его уже и без того сокрушительному облику.

– Я рад, что ты сказала это, сладкая.

И я нахожусь в наносекундах от того, чтобы захихикать как дура. До тех пор, пока этот голос, который я с радостью буду слушать, даже если он просто зачитает телефонный справочник, не останавливает меня:

– Десять тысяч долларов.

Я склоняю голову в немом вопросе.

Он уточняет:

– Проведи ночь со мной, и я заплачу тебе десять тысяч долларов.

– Сделать... что? – я смеюсь, потому что он шутит, ведь так?

– Есть большая пустая кровать. Давай попробуем и посмотрим, что произойдет.

Я перевожу взгляд от него к Саймону, потом к двум парням у двери.

– Это шутка?

Он делает еще один глоток из своей фляжки.

– Я никогда не шучу по поводу денег или секса.

– Ты хочешь заплатить мне десять тысяч долларов, чтобы

я переспала с тобой?

— Более одного раза в десятках разных позах. Я мог бы, — он делает в воздухе пальцами кавычки, — поухаживать за тобой, но это займет время. — Он постукивает по своим часам. «Ролекс», бриллианты и платина, цена около 130 000 долларов. — А у меня его ничтожно мало.

Я фыркаю, отходя от шока.

— Я не буду спать с тобой за деньги.

— Почему нет?

— Потому что я не проститутка.

— Конечно, нет. Но ты молода и красива, я привлекателен и богат. И вот вопрос: почему мы с тобой до сих пор не трахнулись?

Это сильный аргумент.

Подождите. О нет, это не так. Это плохой аргумент. Плохой, грязный, дикий!

Николасу, кажется, нравится наблюдать за моим смущением и агонией.

И, боже мой, я действительно обдумываю это. Я анализирую и прокручиваю в памяти его слова, снова и снова, вплоть до мельчайших подробностей. Но шутки в сторону, я не тот тип девушек, которые пойдут на что-либо подобное в реальной жизни.

— Нет.

— Нет? — он выглядит по-настоящему шокированным и разочарованным.

– Нет, – повторяю я. – Это будет неправильно.

Он потирает большим пальцем нижнюю губу, оценивая меня. Кстати, насчет оценивания, у него красивые пальцы. Длинные, прямые с чистыми ухоженными ногтями. В моей голове звучит голос доктора Сьюза: «Ох, по каким же местам могли бы пройти эти пальцы».

Господи, со мной что-то не так.

– У тебя есть парень?

– Нет.

– Ты лесбиянка?

– Нет.

– Тогда это будет самая правильная вещь, которую ты когда-либо сделаешь.

Я поднимаю подбородок и скрещиваю руки на груди в защитном жесте.

– Мое достоинство не продается.

Николас наклоняется вперед, поедая меня глазами.

– Моему члену не нужно твое достоинство, милая. Напротив, я хочу поместить его как можно глубже в тебя.

– У тебя на все есть ответ?

– Вот мой ответ на это – двадцать тысяч долларов.

Черт возьми! Моя нижняя челюсть сейчас находится где-то в районе пола.

Эти великолепные глубокие глаза пристально смотрят в мои, завлекая поддаться искушению.

– Ты не пожалеешь об этом, клянусь.

И сейчас мысли о деньгах, о таком огромном количестве наличных, затмевают мысли о сексе. Я думаю о том, куда бы я могла потратить все эти деньги – починить водонагреватель, внести ипотечный платеж, отложить финансы на второй семестр Элли. Боже, это так заманчиво.

Но когда деньги закончатся, а это произойдет быстро, мое отражение в зеркале никуда не денется.

И я буду смотреть на него ежедневно.

– Я думаю, мы оба ошиблись, – говорю я, пожимая плечами. – У некоторых вещей нет цены, и они не продаются, вообще.

Саймон хлопает в ладоши.

– Отлично, солнышко. Оптимизм снова побеждает. Этот пирог изумительный, кстати, ты вроде говорила, что печешь их сама, да? Тебе нужно написать кулинарную книгу.

Я не отвечаю ему. Николас все еще удерживает мой взгляд, и я не могу ничего поделать.

– Или, может, я пытаюсь купить неправильную вещь. Иногда корову нельзя продать, но молоко будет стоить свою цену.

Хорошо, теперь видно, что он действительно пьян, потому что сказанное не имеет никакого смысла.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он смеется.

– Что насчет поцелуя?

Мое дыхание вырывается из легких с громким свистом. И

то, что он говорит после, заставляет меня вдохнуть поглубже.

– Если в скором времени я не попробую твои губы на вкус, то сойду с ума.

Я никогда не задумывалась о своих губах. Они красивые, наверное, от природы пухлые и розовые, я увлажняю их бальзамом с малиновым вкусом, иногда с маслом ши, пару раз в день.

– Пять тысяч долларов.

Я бы поцеловала его и бесплатно. Но есть что-то захватывающее, почти лестное, в ненормальном, извращенном смысле, то, как именно он делает эти предложения. Потому что он хочет этого достаточно сильно, чтобы заплатить.

– Пять тысяч долларов? За поцелуй?

– Так я и сказал.

– С языком?

– Без него это уже не настоящий поцелуй.

Я колеблюсь всего несколько мгновений. Но этого оказывается достаточно для Николаса, чтобы все испортить.

– Просто скажи «да», детка. Очевидно, что ты нуждаешься в деньгах.

Я ахаю, прежде чем успеваю себя остановить. Не думала, что какие-то несколько слов от совершенно незнакомого человека могут так ранить. Какого хрена!

Во мне бушует буря разнообразных эмоций, унижение от того, что мои проблемы кинули мне в лицо, разочарова-

ние, что этот мужчина, этот великолепный, соблазнительный мужчина, думает, что я нуждаюсь в благотворительности. В мгновение ока я окидываю взглядом кафе: потрескавшаяся краска, сломанный замок, изношенные стулья и потертые шторы, которые перестали выглядеть нормально еще годы назад.

– Ради всего святого, Николас, – с укором говорит Саймон.

Но он просто смотрит на меня в ожидании, эти наглые глаза светятся от предвкушения. Поэтому я даю ему то, что он так ждет.

– Руки под стол, – приказываю я.

Он улыбается шире, убирает свою фляжку в карман и делает то, что я ему сказала.

– Закрой глаза.

– Мне нравятся женщины, которые не боятся брать инициативу в свои руки.

– Заткнись.

Он сказал уже достаточно.

Я наклоняюсь, мои глаза все это время остаются открытыми, запоминаю каждую черточку его лица и чувствую теплое дыхание на своей щеке. Так близко, что я могу видеть тень щетины на его подбородке, и на секунду я представляю, как она будет царапать кожу моего живота, бедер и всего остального.

Затем в одно движение я поднимаю его тарелку и впечат-

тываю яблочный пирог в его тупую, смазливую мордашку.

– Поцелуй это, мудака.

Я выпрямляюсь и кладу чек на стол.

– Ваш счет, деньги оставьте на столе. Дверь там, используйте ее, прежде чем я вернусь обратно с бейсбольной битой и покажу вам, почему меня называют Малышка Рут¹¹.

Я не оглядываюсь, когда иду в сторону кухни, но я слышу бормотание:

– Вкусный пирог.

И если я не знала этого раньше, теперь я точно уверена: мужики – козлы.

¹¹ Ruthette – прозвище дано в честь известного американского бейсболиста-рекордсмена Джорджа Хермана «Бейб» Рута младшего.

Николас

В замке Анторп есть стена, на которой представлены виды оружия, используемые королевской семьей на протяжении веков. Мечи, сабли, кинжалы, на некоторых даже сохранилась кровь. Одним из таких оружий является цеп, многие знают его как шар и цепь, дубинка в два фута с цепью и прицепленным к ней шаром с шипами. Эта громоздкая булава, очень редко использовавшаяся в бою из-за опасности, которую она представляет не только для владельца, но и для окружающих, была нашей гордостью. Когда ее использовали, она приносила смертельный ущерб, шипы пробивали доспехи врага, врезаясь в грудь и разбивая черепа.

Цеп – это первое о чем я думаю, когда продираю свои глаза, потому что чувствую себя так, будто один такой прилетел мне в голову. Яркий луч света проникает сквозь жалюзи в темную комнату, вызывая агонию в моих глазах. Я начинаю стонать, и в следующий момент дверь открывается, и затемненный силуэт Саймона вваливается из зала.

– Ты жив? Некоторое время я был не уверен.

– Спасибо за беспокойство, – выговариваю я.

Очень громко. Даже тихие слова раздаются в моей голове подобно шрапнели. Я пытаюсь снова, в этот раз мягче.

– Какого черта, ты позволил мне напиться прошлой но-

чью?

Саймон безжалостно смеется.

– Позволил? Да ты нажираешься с момента попойки в The Horny Goat. Водка безо льда. Варвар.

Никогда снова. Клянусь своей печенью, если она выдержит, я стану добрее, умнее с этого момента.

И тут я вспоминаю мероприятие вчера вечером по сбору средств для поддержки королевской благотворительности.

– Вел ли я себя по-идиотски на вчерашнем вечере?

– Нет, ты был очень сдержан. Тих и отчужден. Я оказался единственным, кто мог по тебе сказать, что ты был счастливчиком, потому что все еще стоял.

Отлично. По крайней мере, не придется волноваться об этом.

Я тру виски.

– Прошлой ночью мне приснился странный сон.

– Летающие розовые слоники и Фергус в балетной пачке? Это всегда меня беспокоило.

Я смеюсь – не самая умная вещь: боль отражается в моих костях.

– Нет, – говорю ему тихо. – Мне приснилась мама.

– Ох?

– Она... ругала меня. Она была очень раздражена. Она даже дергала меня за волосы на затылке. Помнишь, как она делала это, когда мы плохо себя вели на публике?

– Я помню, – голос Саймона пронизан ностальгией. – По-

ка Генри не испортил для нее все перед прессой, когда закричал: «Ох, зачем ты таскаешь меня за волосы, мам?»

Несмотря на дисконфорт, я снова смеюсь.

– Почему она ругала тебя? Ты знаешь?

– Она сказала... она сказала, я заставил ангела плакать, – я закрываю рукой лицо от света.

– Ну, она выглядела как ангел, и ее пироги – райские. Я не видел слез, но ты наверняка обидел ее.

Я убираю руку и сажусь.

– О чем ты?

– Официантка, – объясняет Саймон. – Из кофейни, в которую мы зашли после того, как ты вытащил меня в город, потому что хотел прогуляться без вспышек камер и фанаток. Разве ты не помнишь?

Картинки вспыхивают в моей голове. Я останавливаюсь на одной – звук опечаленных вздохов, темно-голубые глаза цвета неба в сумерках, сражающиеся со слезами.

– Это... это было реально?

– Да, ты задница, это было реально. Ты предложил ей двадцать тысяч долларов за шуры-муры. Она тебе отказала. Умная девочка.

Я пробегаю пальцами по подбородку, чувствуя сухую крошку и гранулы сахара. Сладкий вкус яблок задерживается на моем языке. И все разом возвращается ко мне, каждое слово.

– Черт возьми, эта история уже в газетах?

Я даже могу увидеть заголовок:

«ЖАЛКИЙ ПРИНЦ ПОКОРЯЕТ НЬЮ-ЙОРК».

– Нет. Ни слова, – Саймон проверяет свои часы. – Сейчас половина третьего дня, поэтому, скорее всего, ты в безопасности. Если бы птичка начала петь, я думаю, это бы уже просочилось.

– Это облегчение, я думаю.

И все же... то ли это сон, то ли мое поведение, сожаление поднимается вокруг меня, словно пар. Оно просачивается внутрь с каждым вздохом, цепляясь за легкие.

– Снег все еще продолжает идти. Адский шторм. Поэтому ты можешь спокойно отсыпаться; сегодня мы никуда не поедem.

– Отличная идея, – шучу я, уже засыпая, с мыслями о вкусных сочных губах и темных волосах.

* * *

Рано утром следующего дня я чувствую себя человеком, но все еще с туманом в голове. У меня встреча за городом с руководителями военной благотворительной организации, и мы должны закончить ее до захода солнца. Чем раньше мы приедем на место, тем менее вероятно, что там будет толпа, приветствующая нас. К счастью, этот отвратительный снег наконец закончился, и если есть одна вещь, за которую я ценю этот город, – это то, что, несмотря ни на какую катастро-

фу, он продолжает работать. Хоть дороги и сносные, Логан меняет лимузин на внедорожник. На заднем сиденье я расправляю свой галстук и поправляю запонки, когда Саймон говорит о том, что не против бы выпить чая и съесть кусочек – или два – пирога.

Я искал повод, чтобы вернуться, не то чтобы мне нужно было оправдание. Потому что не могу перестать думать о хорошенькой официантке и как я себя с ней вел. После моего кивка Саймон дает Логану направление, и спустя несколько минут мы подъезжаем к главному входу «Амелии». Фонарь все еще горит, а улицы пусты, но дверь открыта, поэтому мы вошли внутрь, дверной колокольчик прозвенел над нашими головами.

Здесь тихо. Я не сажусь, а стою посередине зала среди столов.

– Мы закрыты, – говорит девушка, выходя через дверь. И тут ее голова дергается, когда она останавливается. – О, это ты.

Она выглядит еще красивее, чем я запомнил, чем мне снилось. Нежные, цвета полуночи, локоны обрамляют лицо, которое стоит высечь в статуе и выставить в музее, с потрясающе темно-сапфировыми глазами, которые должны быть увековечены в масле и мягкой акварели. Если Елена Троянская подняла тысячи кораблей, то эта девушка могла заставить встать тысячи членов.

Она красиво сложена, ее макушка достает мне только до

подбородка, но фантастически соблазнительна. Великолепная полная грудь, которая натягивает пуговицы на белой неглаженной блузке, стройные бедра, сужающиеся к тонкой талии, я мог бы обернуть руки вокруг нее, и стройные ноги, заключенные в черные прозрачные колготки, завершают картину.

Незнакомая тревога шипит, как сода в моем кишечнике.

– Дверь была открыта, – объясняю я.

– Она сломана.

Логан щелкает в замке. Безопасность – его жизнь, так что сломанный замок будет раздражать беднягу, как последний пазл в головоломке.

– Что тебе нужно?

Она и понятия не имеет, кто я. Это заметно по оборонительной позе и обвинительных нотках в ее голосе. Некоторые женщины пытаются притвориться, что не знают меня, но я всегда могу сказать правду. Ее невежество весьма... захватывающе. Нет никаких ожиданий, никаких скрытых мотивов, нет причин притворяться, все, что она видит, она это получает. И все, что она видит, это я.

Мое горло вдруг пересыхает. Я глотаю, но это сложно.

– Ну, он отчаянно нуждается в пироге, – я указываю на Саймона. – А я... хочу принести извинения за тот вечер. Обычно я так не поступаю. Я был немного навеселе...

– По моему опыту, пьяные люди не будут делать тех вещей, которые не сделали бы трезвыми.

– Нет, ты права. Я бы подумал обо всех этих вещах, но я никогда бы не сказал их вслух. – Я медленно приближаюсь. – И если бы я был трезв... моя ставка была бы выше.

Она скрещивает свои руки.

– Ты пытаешься быть милым?

– Нет. Я не пытаюсь... это просто происходит.

Она хмурит брови, будто не может решить, злиться ли ей или смеяться. Я чувствую, как улыбаюсь.

– Как тебя зовут? Я не знаю, спрашивал ли раньше.

– Нет, не спрашивал. Лив.

– Странное имя. Ты болела, когда была ребенком? Я имею в виду Лив¹², потому что твои родители надеялись, что ты выживешь или они тебя просто не любили?

Ее губы складываются так, словно она пытается сдержать улыбку. И все-таки улыбка побеждает.

– Лив, Ливви – сокращенное от Оливия. Оливия Хэммонд.

– А, – я медленно киваю, – красивое имя. Подходит намного лучше.

Я не могу отвести от нее глаз. Не хочу ни в малейшей степени.

– Что ж, Оливия, я сожалею о своем поведении, когда мы впервые встретились, и я надеюсь, ты примешь мои извинения.

Черты ее лица слегка искривляются, на долю секунды, но

¹² Созвучно с английским словом «live», которое переводится как «жить».

я замечаю это. Она подходит к столу и начинает суетиться с упаковкой пирога.

– Без разницы. Я пережила это. Твои слова все равно были правдой. Это довольно очевидно, что мне нужны деньги.

Самоунижение в ее голосе и осознание того, что это из-за меня, делает мой голос резким.

– Оливия.

Она поднимает голову, смотря на меня. И мой тон смягчается.

– Мне жаль. Правда.

Эти темно-синие глаза пристально смотрят в мои несколько секунд, прежде чем она мягко говорит:

– Хорошо.

– Хорошо, – мягко возвращаю я.

Затем она моргает и передает пирог Саймону.

– Вы можете взять этот, ему два дня, поэтому я не буду его продавать. Он может быть немного суховат, но это за счет заведения.

Саймон улыбается, как волк, которому только что передали раненую овцу.

– Девочка, ты действительно ангел.

– Можно ли ему вилку? – спрашиваю я. – Я не хотел бы слушать урчание его живота всю дорогу.

Ухмыляясь, она протягивает вилку.

И я хочу выиграть джекпот.

– Не хотела бы ты как-нибудь выпить кофе, Оливия? Со

мной?

Прошло достаточно времени, когда я приглашал женщину на настоящее свидание. Это странно, волнующе и одновременно нервно.

– Я не люблю кофе. Никогда не пила его.

Мои глаза осматривают комнату.

– Ты работаешь в кофейне.

– Точно.

Я киваю.

– Хм, я понимаю твою мысль. Тогда это будет ужин. Ты свободна сегодня вечером? Я могу забрать тебя на обратном пути.

Она нервно смеется.

– Я думала, у тебя нет времени, – она делает пальцами кавычки, – «на ухаживания»?

– Некоторые вещи достойны, чтобы потратить время на них.

Это застает ее врасплох, от чего она заикается.

– Хорошо, я... не хожу... на свидания.

– Боже, почему? – в ужасе спрашиваю я. – Это чертов грех.

– Грех?

– Ты потрясающая, очевидно умная, ты должна часто ходить на свидания, предпочтительно с человеком, который знает, как это делается. – Я кладу руку на грудь. – По совпадению, я делаю это фантастически. Каковы шансы?

Она смеется, легко и заливисто. И это ощущается, будто я достиг последнего пика горы. Удовлетворенно. Больше, чем победа. Прежде чем она успевает ответить, рядом с ней появляется пушистая головная боль на четырех лапах, которая твякает и рычит.

– Элли! – кричит она через плечо. – Боско не должно здесь быть!

– Что это? – спрашиваю я.

– Это моя собака.

– Нет. Нет, у меня есть собаки. Собаки произошли от волков. А это произошло от крысы, – я смотрю на мелкого пса. – От уродливой крысы.

Она поднимает маленького монстра на руки.

– Не оскорбляй мою собаку.

– И не пытаюсь, просто говорю правду.

В этот раз. И это чертовски великолепно.

Но лай должен прекратиться. Я устанавливаю контакт с маленькими бусинами-глазками и щелкаю пальцами, призывая:

– Цыц!

И благословенная тишина заполняет пространство.

Оливия переводит взгляд от меня к животному.

– Как... как ты это сделал?

– Собаки стадные животные; они следуют за лидером. Этот малый достаточно умен, чтобы признать его во мне. – Я подхожу ближе к ней, обнаруживая чистый, прекрасный

аромат, похожий на свежий мед. – Давай посмотрим, работает ли это с тобой, – я щелкаю пальцами. – Ужин.

Она вздыхает, раздражаясь, но все же забавляясь против своей воли.

– Я не собака.

Мои глаза, которые видели грязные, извращенные вещи, скользят по каждому красивому дюйму ее тела.

– Нет... определенно нет.

Ее щеки краснеют, делая глаза почти фиалковыми. Это прекрасно.

Но затем в комнату запрыгивает другой шар, маленькая блондинка, закутанная в пушистый халат и в тапках с Губкой Бобом.

– О-ооо, да... школу снова закрыли, – она изображает пение группы The Whip. – Ох-ох...

Пока не замечает нас, затем она замирает.

И эта девушка определенно знает, кто я.

– Хиии. Уау. – Она указывает на Логана и говорит тонким, пристыженным голосом: – Мне нравится ваш галстук.

Он смотрит на галстук, о котором идет речь, а после кивает в знак благодарности.

Она выглядит так, будто хочет провалиться сквозь землю. Но вместо этого она забирает собаку у Оливии и признается приглушенным голосом:

– А сейчас я пойду повешусь в своем шкафу.

Когда она уходит, я спрашиваю:

– Она шутит?

– Ей семнадцать. Все зависит от дня недели.

После Оливия вытирает свои маленькие ручки о юбку.

– Ну, было весело. Спасибо, что заглянули. – Она машет Саймону. – Наслаждайся пирогом.

Он уже. Он улыбается, полным ртом персиков.

– Увидимся... я думаю, – говорит она мне.

Я делаю шаг и беру ее теплую ручку в свою, прежде чем оставить поцелуй на костяшках пальцев.

– Рассчитывай на это, дорогая.

Оливия

«Рассчитывай на это, дорогая».

Ух. Что, черт возьми, это было? Поднимаясь в квартиру, я чувствую себя как мартини Джеймса Бонда, взболтанной, а также и смешанной.

Большинство парней, которых я знаю, и Джек в том числе, спокойные, непринужденные. Пассивные. Что бы ты хотела сделать сегодня вечером? Не знаю, а что ты хочешь? Не знаю.

Но Николас... другой. Решительный. Мужчина. Мужчина, который готов слушать. Увидев его трезвым, я могу заметить разницу. Это видно в том, как он себя ведет: широкие плечи отведены назад, спина прямая, его присутствие почти как гравитация, все притягивается на его орбиту, заставляя вас хотеть, чтобы он захотел вас.

Господи, даже Боско слушает этого парня, что, безусловно, превращает его в маленького предателя, но я понимаю.

Это было чертовски горячо. Я до сих пор могу чувствовать прикосновение его губ к тыльной стороне моей ладони. Кто так делает, целует женщине руку? Ни один из тех, кого я знаю, это уж точно. На месте, которое он поцеловал, чувствуется тепло и покалывание. Он меня заклеймил, но не раскаленным, грубым, мучительным способом, который показывают на кабельных телевизионных шоу. А в хорошем

смысле заклеил. Отметил.

– Ты знаешь, кто это был? – вскрикивает Элли, практически схватив меня в гостиной.

– Шшш! Папа спит.

Она спрашивает снова, в этот раз шепотом.

– Эм-м, богатый придурок с другом, который действительно любит пироги?

Элли закатывает свои голубые глаза.

– И как мы можем быть с тобой родственницами? – Она тащит меня в свою комнату и бросает мне в лицо журнал People. – Это принц Николас!

И вот он, на обложке, идеальный рот ухмыляется, идеальные руки сложены на его широкой груди, одетый в темно-синий кашемировый свитер поверх рубашки с белым воротником. Выглядит как мечта Оксфорда.

– Да ну на фиг! – я не верю в это, даже вырываю журнал из ее рук.

Это объясняет акцент, не британский и не шотландский, а весконский. И его отношение, он не лидер стаи, он чертов наследник трона! Есть еще с десяток фотографий. Детское фото, его первый день в школе, на нем белая рубашка с кружевным воротничком, крупным планом снят подросток, смотрящий в камеру, взгляд чертовски задумчивый. Есть и недавнее фото, где он с потрясающей блондинкой в красном платье на званом ужине, одна его рука обвита вокруг ее талии, другое фото, где он сидит на стуле с высокой спинкой

на заседании Парламента.

И, черт возьми, это фото, скорее всего, сделано папарацци, оно зернистое, увеличенное, но это точно он; Николас выходит из бирюзового океана на Мальдивских островах, кожа блестит, темные волосы забраны назад... голый. Деликатные места, конечно, затемнены, но темная дорожка и V-образные линии его таза очень заметны.

Мой язык покалывает от желания проследить эту дорожку. Черт, я хочу облизать фото.

Сбоку написано несколько фактов о его стране и происхождении. Он прямой потомок Джона Уиллема Пембрука, генерала из северной Британии, который объединился с южными шотландцами в Войне за независимость Шотландии. Он женился на дочери Роберта Брюса, короля Шотландии. После поражения в Шотландии, коалиция Пембрука отделилась от обеих материнских стран и после долгих лет сражений образовала свое независимое государство: Весско.

Кровь приливает к щекам, мне становится жарко. Он, должно быть, думает, что я идиотка. Он наверняка понял, что я не узнала его? Кого я обманываю, конечно, я идиотка – я кинула пирог ему в лицо.

Боже.

Элли хватает свой блестящий телефон с кровати.

– Я просто обязана выложить это в Снэпчат!

Моя реакция немедленная и инстинктивная.

– Нет, – я кладу свои руки на ее. – Не надо. Все придут

сюда посмотреть на него, это будет сумасшедший дом.

– Именно! – она прыгает вверх и вниз. – Бизнес попрет. Юху! После этого мы дадим название пирогу! Мистер Аппетитный – король пирогов!

Я знаю, что это разумная вещь. Та моя часть, которая не хочет быть выброшенной на улицу, кричит: продавай, продавай, продавай!

Но это так... неправильно.

Я все еще не уверена, что Николас не тот кретин, которым был той ночью. Я ничем ему не обязана. Но продавать его, использовать его в бизнесе, рассказывать миру, где он может появиться в следующий раз, это как... предательство.

– Он не вернется, если ты напишешь, Элли.

– Он сказал, что собирается? Что он вернется? – эта возможность, кажется, возбудила ее сильнее, чем миллионы лайков в социальных сетях.

– Я... я думаю, что он придет.

И электричество бежит по моему позвоночнику, потому что я хочу, чтобы он пришел.

* * *

Мы с Элли используем свой редкий выходной для спа-процедур. Смочили свои ноги, с помощью мочалки почистили пяточки и покрасили ногти друг другу. Нанесли вазелин на руки и надели на них толстые хлопчатобумажные пер-

чатки, чтобы увлажнить. Нанесли смесь из оливкового масла и яйца на волосы и завернули в полиэтиленовую пленку, очень-очень привлекательный вид, если бы только Инстаграм мог нас сейчас увидеть. Положили ломтики огурца на глаза и сделали маску для лица из овсянки, все это на фоне марафона на VH1¹³. Большие 80-е: великое кино, среди которого «Охотники за привидениями», «Огни Святого Эльма», «Грязные танцы». Заканчиваем мы наш ритуал красоты, выщипывая друг другу брови, последнее упражнение на доверие.

Примерно в четыре часа наш папа выходит из своей комнаты. Его глаза уставшие и покрасневшие, но он в хорошем настроении. Мы играем несколько раундов в «Червы», игра, в которую мы играли, когда были маленькими, после этого он готовит для нас с Элли томатный суп и жареные сэндвичи с сыром. Это самый лучший ужин, который я ела за долгое время, может, потому, что кто-то приготовил его для меня. После того как солнце садится и я могу видеть свое отражение в окне, Элли проскальзывает в свои ботинки и надевает пальто поверх пижамы, чтобы пойти к другу из соседнего квартала. Вскоре после этого папа уходит в бар «посмотреть игру» с ребятами.

Я в своей кровати, одна, и рядом только свеча с запахом сандалового дерева и кокоса на тумбочке. Я чувствую себя мягкой, гладкой и красивой и занимаюсь тем, о чем фанта-

¹³ Video Hits One – музыкальный телеканал.

зировала весь день.

Я гуглю Николаса Пембрука.

Я понятия не имею, является ли вся эта информация правдивой, но ее тонны. Все от его любимого цвета (черный) до того, какую марку нижнего белья он предпочитает («Кельвин Кляйн»). Конечно, у него имеется страничка в Википедии. У него есть официальный вебсайт, не говоря уже о тысячах фанатских. Его задница имеет свой аккаунт в Твиттере – @isRoyalArse, и у него больше подписчиков, чем у члена Джона Хэмма и у бороды Криса Эванса, вместе взятых.

Сайты сплетен говорят о том, что он трахнул практически каждую женщину, с которой говорил, от Тейлор Свифт (она написала целый альбом о нем) до Бетти Уайт (лучшая ночь в ее жизни). Николас и его брат Генри близки, разделяют страсть к поло и благотворительности. Он одновременно обожает свою бабушку Королеву – красивую женщину, милую в том виде, какими могут быть маленькие, старые люди и в то же время считает дни до ее смерти.

После нескольких часов я чувствую себя сталкером и убеждена, что большинство этих статей просто дерьмо. Прежде чем закрыть окно, иконка видео в верхней части списка привлекает мое внимание, это новостной репортаж с похорон принца Томаса и принцессы Калисты.

Я нажимаю воспроизведение, и мне показывают два гроба, оба белые с золотой окантовкой, которые везет конный экипаж. Толпы плачущих зрителей выстроились в линию

вдоль улицы, словно черный занавес. Камера постепенно отдалается, показывая четырех людей, которые идут позади повозки. Королева и ее муж, принц Эдвард, по центру; маленький мальчик со светлыми кудрявыми волосами, принц Генри, идет по внешней стороне, а Николас одетый в такой же костюм угольного цвета, как и его брат, по другую сторону.

В четырнадцать Николас уже был высоким. Его скулы менее выражены, подбородок гладкий, плечи узкие, но он все тот же красивый мальчик. Голос диктора за кадром объясняет, что это традиция Весско для королевских особ и наследников идти за гробом члена королевской семьи, поскольку процессия проходит через весь город, а затем прибывает в собор для финальной службы.

Мили. Они должны были идти мили, чтобы похоронить своих родителей.

Внезапно Генри, ему здесь десять, останавливается, его колени чуть подкашиваются. Он закрывает лицо руками и рыдает.

И я чувствую вкус слез в горле, потому что он напоминает мне Элли в тот день, когда мы похоронили нашу маму. Как сильно она плакала, безутешно, и та же трагедия разворачивается на экране. Это продолжается несколько мучительных секунд, люди будто замерли. Никто не двигается; никто не пытается успокоить его. Вода, везде вода, но нет ни капли, чтобы выпить.

Он мог так и дальше стоять посередине улицы один.

А затем в три быстрых шага подходит Николас, потянув за собой своего младшего брата, он оборачивает руки вокруг его маленького тела, словно щит. Голова Генри достает только до живота Николаса, он прячет свое лицо, а брат гладит его по волосам. Затем он всматривается в толпу и камеры, бросая решительный взгляд, наполненный обидой и горем.

Через несколько мгновений Николас двигается в сторону лакея, и телеведущий, снимавший это событие, должно быть, нанял человека, который умеет читать по губам, потому что появляются субтитры.

– Отправьте вперед машину.

Мужчина выглядит неуверенным и начинает поворачиваться к королеве, но резкие слова Николаса заставляют его остановиться.

– Не смотри на нее. Я твой принц, ты будешь делать то, что тебе скажу я, и ты сделаешь это сейчас же.

И в эту секунду Николас не выглядит как мальчик четырнадцати лет; он вообще не выглядит как мальчик. Он выглядит, как король.

Мужчина сглатывает и кланяется, и несколько минут спустя черный «Роллс-Ройс» медленно проползает сквозь море людей. Николас подводит своего брата к заднему сиденью. Пока дверь все еще открыта, он наклоняется и вытирает лицо Генри платком, который достал из кармана.

– Мама будет так разочарована во мне, – говорит Генри,

икая.

Николас качает головой.

– Нет, Генри, никогда.

Он зачесывает назад блондинистые кудрявые волосы брата.

– Я пройду этот путь за нас обоих. Мы встретимся у собора, – он держит его за подбородок, пытаюсь улыбнуться. – Мы будем в порядке, ты и я. Да?

Генри сопит и упорно пытается кивнуть своему брату. Когда Николас возвращается на свое место рядом с Королевой, процессия продолжает свой ход.

Когда я закрываю ноутбук, мое сердце чувствуется таким тяжелым в груди, я переживаю за них. Генри просто маленький мальчик, а Николас, несмотря на деньги и власть, он другой. Не сильно отличается от меня. Просто ребенок, который пытается изо всех сил сохранить семью, чтобы она не развалилась.

* * *

На следующий день светит солнце, но воздух еще холодный, что означает, что снежные сугробы снаружи растают не скоро. После утренней гонки я нахожусь за кассой, открывая новую пачку четвертаков, когда низкий голос произносит заказ:

– Большой кофе, пожалуйста. С молоком, но без сахара.

Мои глаза поднимаются и встречаются с серо-зеленым взглядом. И мою кожу мгновенно и неудержимо начинает покалывать.

– Ты вернулся.

– В отличие от кое-каких странных, но очень милых людей, я люблю кофе.

На нем джинсы, свободные и с потертостями, с рядом пуговиц вместо ширинки. А бейсбольная кепка низко надвинута на лоб. По некоторым причинам кепка смотрится на нем смешно. Ну и вид, и смех пробивается в мои слова.

– Классная кепка.

Он поднимает кулак.

– Вперед, Янки¹⁴.

– Ты действительно думаешь, что эта маскировка срабатывает?

Он удивлен вопросом. Оглядывает комнату, только два посетителя сидят за столами, и никто, кажется, его не замечает. Он пожимает плечами.

– Очки всегда срабатывали с Кларком Кентом.

Сегодня к двум мужчинам, которые тенью следовали за Николасом той ночью, присоединился третий. Они сидят за столом у двери, неброско и небрежно одеты, но зорко следят.

– Кто сказал тебе? Ты сама поняла или, – он показывает пальцами на то место, где вчера Элли станцевала свою празд-

¹⁴ Янки (*англ.* yankee) – прозвище жителей Новой Англии; позднее северных штатов, в более широком смысле – жителей США в целом.

ничную джигу, – это была та вишневая бомба, фонатка Губки Боба?

– Моя сестра Элли, да, она проболталась.

Я думала, что буду чувствовать себя по-другому, увидев его снова и узнав, кто он. Но это не так. Помимо смущения, что сразу же его не узнала, я чувствую то же, что и вчера, притяжение, привлекательное очарование, но не потому, что он принц, а потому, что Николас – это Николас. Великолепный, сексуальный, манящий.

Николас достает деньги из кожаного кошелька и платит, когда я передаю ему кофе.

– Ты, должно быть, думаешь, что я совершенно невежественна.

– Совсем нет.

– Я должна сделать реверанс или что-то такое?

– Пожалуйста, не надо, – и затем появляются ямочки. – Конечно, если у тебя есть желание сделать его голой, тогда, конечно...

Он флиртует со мной. Это милый, дразнящий эпизод и самый веселый из всех, что я помню.

– Ты не выглядишь, как... – мой голос понижается до шепота, – принц.

Он тоже шепчет.

– Это самое приятное, что когда-либо мне говорили, – он кладет руку на прилавок, наклоняясь. – Сейчас, когда ты все знаешь, пересмотришь ли ты мое предложение насчет ужи-

на?

Держу пари, что такие парни, как он – чертовы короли, – используют женщин, которые падают перед их ногами. В буквальном смысле. А я не привыкла к подобному, но поскольку работала здесь все эти годы, выросла в этом городе, я точно знаю, что самое важное в общении с мужчинами.

Сохранять хладнокровие.

– Почему? – я дразнюсь. – Потому что у тебя есть собственная страна? Это должно меня впечатлить?

– Это впечатляет многих людей.

И игра продолжается.

– Думаю, я не многие.

Его глаза сверкают, а губы ухмыляются.

– Очевидно, нет. – Он кивает в сторону столика в углу. – Что ж, тогда я буду там, если ты захочешь ко мне присоединиться.

– Что ты собираешься делать все утро? Остаться здесь?

– Таков план, да.

– У тебя нет... дел? Важных дел?

– Возможно.

– Тогда почему ты делаешь это?

Николас разглядывает мое лицо, его глаза опускаются к моему рту, будто он не может оторвать взгляд.

– Мне нравится смотреть на тебя.

Мой желудок делает сальто, и весь мир вращается.

Николас небрежно подходит к столу, выглядя слишком уж

довольным собой.

Несколько минут спустя Марти с дикими глазами наклоняется ближе за прилавком.

– Не смотри, но у нас в клиентах знаменитость.

Я начинаю поворачиваться, но он хватает меня.

– Я сказал – не смотри! Там принц Николас или меня зовут не Мартин Мак-Флай Гинсберг.

Я думаю, мама Марти тоже была под кайфом, когда давала ему имя.

Я кладу руки ему на плечи, успокаивая.

– Да, это он, он приходил недавно вечером и вчера утром.

Марти визжит, как девочка-подросток, которая только что получила свои водительские права.

– Как ты могла скрывать это от меня?

Я призываю «Криминальное чтиво» – его любимый фильм всех времен – и надеюсь, он достаточно силен, чтобы не дать Марти сойти с ума.

– Детка, успокойся. Не делай из мухи слона.

– Детка, успокойся? Ты не знаешь, что просишь! Фотография этого мальчика все годы висела на моей стене. Я всегда надеялся, что он тайно играет за мою команду.

Я украдкой бросаю взгляд через плечо, проверяя, смотрит ли Николас.

Он смотрит. И машет.

Я поворачиваюсь обратно к Марти.

– Я думаю, что могу сказать уверенно, он не в твоей ко-

манде.

Марти вздыхает.

– Это объясняет, почему его глаза следят за твоей задницей, как кошка за лазерным лучом, – он качает головой. – История моей жизни, все хорошие парни или натуралы, или женаты.

Николас

Наблюдать, как двигается Оливия Хэммонд – извращенный тип удовольствия. Я никогда не занимался подглядыванием, но в данный момент у меня совершенно новый взгляд на эту концепцию.

С одной стороны это мучительно – дразнящее покачивание ее бедер, пока она скользит от стола к столу, притягательный изгиб задницы, когда она наклоняется, чтобы забрать блюдо, будто только и ждет, когда ее ущипнут или будут поклоняться. Но с другой стороны, в этом есть и удовольствие – в том, как ее рот, напоминающий бутон розы, приветливо улыбается, в сладкой гармонии ее голоса, в том чувстве, когда ее экзотические темно-синие глаза возвращаются ко мне снова и снова.

Я делаю целое шоу из открытия газеты – по крайней мере, пытаюсь быть вежливым, но большую часть времени просто пялюсь. Открыто. Черт, грубо. Мой учитель по этикету переворачивается в своем гробу.

И еще я просто не могу на это наплевать.

Я хочу Оливию. В своей кровати, на своем члене, на своем лице. И я хочу, чтобы она знала это.

А еще можно многое узнать о человеке, наблюдая за ним. Оливия Хэммонд – трудоголик. Это заметно в том, как она

потирает шею и разминает спину: она устала, но продолжает работать.

Оливия дружелюбная, это проявляется, когда она подходит к моей охране и представляется. Я смеюсь, когда ребята неуклюже называют свои имена – Логан, Томми и Джеймс, потому что они не привыкли быть в центре внимания; это противоречит их должностной инструкции. Но когда Томми подмигивает ей, я перестаю смеяться.

Нахальная сволочь, мне придется за ним приглядывать.

Оливия добрая. Это очевидно, когда она передает рецепты, которые взяла для своей соседки миссис Макгиллакutti, и отказывается, когда женщина настаивает заплатить ей.

И Оливия доверчивая, очень доверчивая. Я отмечаю это, когда у нее состоялся разговор с неприятной, хорошо одетой клиенткой, которая заказала пятьдесят пирогов для своей вечеринки, которую отменила из-за погоды. Хотя Оливия утверждает, что потратила деньги на ингредиенты и уже готовы тридцать из пятидесяти пирогов, женщина иронизирует, что без контракта это проблема Оливии, а не ее.

* * *

Сразу после двух часов в кофейню заходит клиент, у него толстая шея, руки готовы треснуть от стероидов, а голова кажется крошечной, можно сказать, с булавочную головку.

На нем рваная майка без рукавов, черные велосипедные

шорты, которые так сильно обтягивают его хозяйство, что я с сочувствием поправляю свое. Он входит так, будто знаком с этим местом, его рука закинута на плечо крашеной блондинки, похожей на Уумпа-Луумпа¹⁵, причмокивающей своей жвачкой перекаченными губами.

– Джек, – Оливия приветствует его. – Привет.

– Лив! Как дела?

– Ох, здорово, – она облокачивается на прилавок.

Он осматривает ее снизу-вверх так, что мне хочется выдать его глазные яблоки.

– Дружище, прошло сколько, пять лет? Я не думал, что ты все еще здесь.

Оливия кивает.

– Да, все еще здесь. Как ты?

– Да потрясающе. В прошлом году окончил университет Иллинойса и вернулся назад, чтобы открыть спортивный зал по соседству. С моей невестой Джейд, – он поворачивается к девушке, которую обнимет, – Джейд, это Лив.

– Приветик!

– Привет, – отвечает Оливия, – Вау. У тебя все хорошо, Джек.

Он протягивает Оливии стопку визитных карточек.

– Да, я просто раздаю их всем соседям. Не могла бы ты поместить их на прилавок? И сказать пару слов про спортзал,

¹⁵ Уумпа-Луумпа – герои книги Роальда Даля «Чарли и Шоколадная фабрика». Они работают на фабрике, маленькие человечки ростом не выше колена.

мы открываемся через несколько недель.

Оливия берет визитки.

– Конечно. Без проблем.

– Спасибо, ты лучшая, Лив, – он начинает уходить, но оборачивается. – Был рад увидаться. Я действительно думал, что ты уедешь отсюда. Но некоторые вещи не меняются, верно?

Какой же отвратительный мудака.

Оливия натянуто улыбается.

– Думаю, нет. Не принимай это близко к сердцу.

И он выходит.

Оливия качает головой. Затем подходит к моему столу, держа кофейник.

– Повторить?

Я поддвигаю пустую чашку.

– Да, спасибо.

Потом откидываюсь назад на стуле, наклоняя голову, пока она наливает кофе.

– Так... Джек. Бывший?

Ее щеки краснеют. Я думаю, что это восхитительная реакция – мой член тоже это одобряет.

– Да. Мы с Джеком встречались в старшей школе.

– Что ж, если Джек твой единственный опыт, то я понимаю, почему ты избегаешь настоящих мужчин. Он выглядит как мудака, – я смотрю в ее прекрасное лицо. – Ты достойна лучшего.

– Такого, как ты?

– Точно, – я указываю на стул напротив. – Давай лучше поговорим о той части, где действующие лица – ты и я.

Она смеется.

– Хорошо, действительно, как ты можешь говорить такие вещи безнаказанно?

– Я никогда не говорю подобные вещи.

– Но ты говоришь их мне?

Она придвигается ближе, наклоняясь, и мое сердце стучит так громко, что я не удивлюсь, если она его услышит.

– Да. Я готов говорить тебе... невероятные вещи.

Это расслабляет, новоприобретенная свобода, которую я себе позволил с ней. Как я уже понял, она не простая девушка, так сказать: отдал пенни, отдай и фунт. На ум пришли десятки неуместных, удивительно грязных комментариев, но прежде чем я успеваю озвучить хоть один, Оливия откашливается и выпрямляется.

Она смотрит на пустой стул возле меня.

– Где Саймон?

– Ему пришлось вернуться домой, дела с бизнесом. Самолет улетел рано утром.

– Что у него за бизнес?

Я подношу кружку к губам, медленно дую, и ловлю ее взгляд, направленный на мой рот, следящий за движением.

– Он владелец «Барристер».

– Который в Весско? – спрашивает Оливия.

– Ему принадлежат все тридцать семь магазинов.

– Конечно, – она улыбается, – глупая я.

* * *

Чуть позже я встаю, чтобы отлить – четыре чашки кофе за день заставят вас это сделать. По пути я встречаю официанта – Марти, вроде так его называла Оливия, он направляется к задней двери с мешком мусора, перекинутым через плечо. Он по-дружески кивает, и я улыбаюсь в ответ.

Как только дверь закрывается за его спиной, отражаясь от стен, раздается оглушительный визг, будто тысяча свиней визжат в унисон.

Это типичная реакция... и что странно, она не меняется.

Когда я выхожу из туалета, первое, на что обращаю внимание – это напряженное поведение моей службы безопасности. Челюсть Логана напряжена, кулаки Томми сжаты на столе, а Джеймс уже почти поднялся на ноги, готовый к прыжку.

Мне хватает одной секунды, чтобы понять причину.

Зал пуст, за исключением одного человека, маленький, пучеглазый мужчина, одетый в дешевый костюм и надушенный жутким одеколоном, он стоит очень близко к Оливии в углу, практически зажав ее.

– Этого недостаточно, мисс Хэммонд. Вы не можете просто игнорировать наши извещения.

– Я это понимаю, вы должны поговорить с моим отцом. Но его сейчас здесь нет.

Он наклоняется еще ближе, и ее спина соприкасается со стеной.

– Я устал быть обманутым. Вы должны нам много денег, так или иначе, придется заплатить.

Оливия пытается проскользнуть мимо него, но он хватается за руку.

Кажется, Оливии больно.

Мое самообладание щелкает, как прутик.

– Убери от нее свои руки.

Мой голос не такой громкий; ему и не нужно таким быть. В нем присутствует особая власть, побочный эффект моей жизни.

Мужчина смотрит вверх, они оба, и он отбрасывает руку Оливии, когда я приближаюсь. Этот тип открывает рот, чтобы возразить, но слова застревают в его горле.

– Вы... вы...

– Не важно, кто я, – прерываю я. – Кто ты, черт возьми?

– Я... Я Стен Марксум из «Уилфорд Коллекшенс».

– У меня все под... – начинает Оливия, но я прерываю ее.

– Что ж, Марксум, как леди и сказала, ее отца здесь нет, поэтому предлагаю вам уйти. Сейчас же.

Он пыхтит, выпячивая грудь, как какая-то маленькая неприятная рыбка, которая перешла дорогу очень злой акуле.

– Я веду дела с Хэммондами. Это не ваша забота.

Он поворачивается обратно к Оливии, но я встаю перед

ней, отрезая ему путь.

– Я только что сделал их своей заботой.

Как я говорил ранее, большинство людей – гребаные идиоты, и этот чудака яркий тому пример.

– Николас, ты не должен...

Это первый раз, когда она назвала меня по имени. И я не могу насладиться этим, не могу смаковать звук, сорвавшийся с ее губ, или увидеть выражение ее лица. А все потому, что этот чудака стоит передо мной. Это приводит в бешенство.

Я щелкаю пальцами.

– Карту.

– Что?

Я двигаюсь вперед, заставляя его отступить, – посмотрим, как ему самому понравится.

– Визитную карту.

Он вылавливает одну из кармана; у нее погнут угол.

– Я передам визитку мистеру Хэммонду. Здесь ты закончил. Дверь там – используй ее или я покажу тебе как.

Когда он ушел, я повернулся к Оливии спросить в порядке ли она, и я бы соврал, если бы сказал, что не ждал небольшой благодарности. Может, с помощью ее рта и, надеюсь, рук, и просто, может быть, если она будет очень благодарна, то привнесет немного ласки в мою жизнь.

Она выбирает рот, все в порядке.

– Кем, черт возьми, ты себя возомнил?

Она упирается руками в бедра, ее щеки покраснелись, и

она в ярости. Стояк был бы ошеломляющий, но она в бешенстве.

– Ты хочешь, чтобы я перечислил все свои титулы?

– Это не твое дело! Ты не можешь просто прийти сюда и... и так себя вести.

– Я помогаю тебе.

– Я не просила тебя о помощи! – она негодует. – Я справляюсь!

– Справляешься? Это было до или после того, как он загнал тебя в угол и схватил за руку?

Мои глаза опускаются к ее предплечью и воспаленным, алым точкам, которые теперь проступили. Отпечатки пальцев. Почти синяки.

– Сукин сын, – нежно, но настойчиво я беру ее за локоть, рассматривая ближе. – Я должен был ударить этого ублюдка, когда у меня был шанс.

Оливия убирает руку.

– Если его нужно будет ударить, я сделаю это сама. Я не знаю, что ты думаешь о случившемся, но мне не нужно, чтобы ты ехал сюда на своем белом коне. Я забочусь о бизнесе – я забочусь о себе, – все в порядке, – она убирает волосы от лица и вздыхает. – Ты сделал свое доброе дело, так почему бы тебе не уйти?

И я задыхаюсь.

– Ты... выгоняешь меня?

Есть женщины, готовые отдать свои яичники, лишь бы

оставить меня возле себя – половина вообще-то даже пыталась, – а она выкидывает меня на улицу. Из-за пустяка. Какого хрена?

– Да, думаю это так.

Я поднимаю руки вверх.

– Хорошо. Я уйду.

Но только сейчас.

– Ты сумасшедшая, – я указываю пальцем на свой череп. – Ты рехнулась, дорогая. Возможно, кто-то должен тебя осмотреть.

Она показывает мне средний палец.

– А ты королевский хрен. Смотри, чтобы тебе задницу дверью не прищемило.

Этого не случится.

* * *

Черт возьми, вспоминая о шизофрениках, Оливия – настоящий псих. Она великолепна, без сомнений, но у нее проблемы. А я взял за правило не совать свой член в девушку, которая готова отрубить его после секса.

Я сижу во внедорожнике, мы стоим в центральном ряду по пути в отель.

– Принц Николас, могу я дать вам совет? – спрашивает Томми.

Видимо я говорил вслух.

– Заткнись, Томми, – произносит Логан с водительского места.

Близость порождает фамилльярность, а парни из моей службы безопасности рядом со мной уже несколько лет. Они молоды, им всем за двадцать, но их приятная внешность опровергает их смертоносные способности. Как стая щенков немецкой овчарки, их внешность может сбить с толку, но их укус ужасен.

– Все в порядке, – я встречаюсь со светло-кариими глазами Томми в зеркале заднего вида, он сидит позади меня. – Какой совет?

Он чешет затылок.

– Я думаю, девушка была смущена.

– Смущена?

– Да. Она как моя младшая сестра, Дженни. Она красивая девушка, но однажды у нее на лбу выскочил прыщик, и он был таким большим, что делал ее похожей на членорога. А она должна была пойти...

Джеймс на переднем пассажирском сиденье читает мои мысли.

– Что за чертов членорог?

– Это выражение такое, – объясняет Томми.

Джеймс поворачивается, чтобы посмотреть на Томми, его голубые глаза блестят.

– Выражение чего?

– Когда... у кого-то появляется что-то большое на лбу,

похожее на член.

– Разве это будет не единорог? – задается вопросом Джеймс.

– Ради всего святого, – прерывает его Логан. – Не могли бы вы забыть про гребаных единорогов или членорогов, или как там его...

– Бессмыслица! – утверждает Джеймс.

– ...и пусть уже Томми закончит историю? А то так мы никогда не услышим конец.

Джеймс разводит руками, ворча.

– Хорошо. Но все равно бессмыслица.

Для справки, в своем тайном голосовании я за единорога. Томми продолжает.

– Хорошо. Так вот, Дженни возвращалась домой из школы с Бренданом, парнем с соседней улицы, на которого она запала на несколько недель. А мой отец, рано вернувшийся с работы, сидел на крыльце. И тут он сказал: «Эй, Дженни, не хочешь, чтобы я сходил в аптеку за кремом, чтобы убить этого монстра у тебя на лбу?» А Дженни словно сошла с ума, завизжав, как банши на моего отца, сказала, что никогда не заговорит с ним снова, и он понял, что не стоило вставлять свои чертовы пять копеек. И бедный мой отец, он же просто пытался помочь. Но, как я понял, ни одна девушка не захочет, чтобы ей в лицо тыкали ее проблемами. Дженни знала, что выглядит как членорог, ей не нужно было, чтобы это озвучивали. Но особенно она не хотела, чтобы это было ска-

зано перед парнем, который ей нравился.

Он встречается с моим взглядом в зеркале.

– Это гордость, понимаете? Дело не в том, что мисс Хэммонд не хотела вашей помощи; скорее, она была смущена, что она ей была нужна.

* * *

На следующее утро я не поехал в «Амелию». Не потому, что не думал об Оливии, а потому, что у меня были планы посетить приют для мальчиков в Бронксе, один из многих, который финансирует фонд Принца и Принцессы Пембрук. Это частное учреждение, куда принимают детей, которые остались сиротами, – альтернатива воспитания в приемной семье.

Я встретился с директором, энергичным мужчиной средних лет с уставшими глазами. Он устроил мне тур по комнатам общежития, спортивному залу и столовой. Они делают все возможное, чтобы привнести сюда ярких красок, но это место все еще выглядит как тюрьма для детсадовцев. Любопытные взгляды детей, живущих здесь, следят за каждым моим движением.

Мы выходим на улицу, на игровую площадку, которая состоит из огражденной бетоном площадки и единственного баскетбольного кольца. Я говорю директору связаться с моим личным секретарем, потому что каждый ребенок заслу-

живает, чтобы здесь были установлены качели.

Мой отец говорил, что, когда занялся благотворительностью, помогать людям было легко, требовалось только выбрать, кому ты хочешь помочь в первую очередь, выделить ресурсы, удостовериться, что их хватит.

Несколько малолеток рисуют цветным мелом на одной стороне улицы, в то время как группа старших детей играет в баскетбол, но мое внимание привлекает один маленький мальчик в красной футболке, он выглядит лет на семь и сидит отдельно. Мне это знакомо. Когда я был подростком, у меня было больше «друзей», чем необходимо, — каждый хотел кусочек меня. Но я был одинок.

А дети, по своей природе, могут быть жестокими.

Когда я иду к мальчику, Логан напоминает группе сотрудников, позади меня:

— Никаких фото сегодня.

Большие карие глаза, с интересом смотрящие на меня, говорят, что видели больше, чем должны, когда я сажусь рядом с ним.

— Привет.

— Привет, — я протягиваю руку, — я Николас.

Он трясет ее.

— Фредди.

— Хорошее имя. Мое второе имя Фредди. Оно означает «мирный правитель».

Он пинает по бетону кончиком своей изношенной крос-

совки.

– Ты действительно принц?

– Да.

– Ты не выглядишь, как принц.

Я погладил лацканы своего серого пиджака.

– Наверное, оставил свою корону в другом костюме. Все время теряю эту штуку.

Я вознагражден вспышкой белых зубов и хихиканьем.

– Не хочется играть сегодня, Фредди?

Он пожимает плечами.

– Тебе нравится жить здесь?

Я видел отчеты – статистику психического здоровья, выпускные результаты, но, если хочешь знать реальную ситуацию, что происходит в таком месте, лучше всего идти к первоисточнику.

– Здесь нормально, – он качает своей маленькой головой, – раньше я жил со своей тетей, она была хорошей. Но она умерла.

Печаль этих нескольких слов пронизывает меня, словно стальными гвоздями.

– Мне жаль.

Он кивает, потому что услышал соболезнование, но ничего не меняется.

– Учителя здесь нормальные; они много улыбаются. Но моя тетя пекла печенье. Они не дают нам здесь печенья.

– Улыбки – это хорошо, но печенье всегда лучше.

На его лице вспыхивает искорка жизни. Есть контакт.

– Это точно. Знаешь, что они заставляют нас есть на десерт?

– Что? – спрашиваю я заинтересованно.

– Фруктовый салат!

Я делаю брезгливое лицо.

– О нет, только не фрукты.

– Да! – настаивает он, – И даже не со взбитыми сливками!

Фрукты – это не десерт, – он вертит пальцем передо мной. –

Ты должен поговорить об этом с кем-нибудь. Задай им.

– Это будет на вершине моего списка возмущений.

И тогда мне приходит мысль. Впечатляющая мысль.

– Фредди, ты любишь пироги?

Он шокированно смотрит на меня, удивляется вопросу.

– Ну да – все любят пироги. В них фрукты, но это ведь пирог.

Директор направляется в нашу сторону.

– Что происходит? Я могу вам чем-то помочь, принц Николас?

– Да, – говорю я, просматривая площадку и подсчитывая. – Вы можете достать автобус.

* * *

Час спустя я вхожу в «Амелию», как Крысолов из Гамель-

но¹⁶, ведя за собой пятьдесят детей. Оливия стоит за стойкой, ее глаза вспыхивают – удивляясь при виде меня и немаленькой стайки детей, копошащихся в ее кофейне, как саранча.

– Эй, что происходит?

Я жестом показываю молодому человеку передо мной.

– Оливия, это Фредди. Фредди, познакомься, это Оливия.

– Как дела?

Она улыбается, так сладко.

– Приятно познакомиться с тобой, Фредди.

Мальчик поворачивается в сторону и говорит приглушенно:

– Ты был прав, она действительно милая.

– Я же тебе говорил, – тихо отвечаю я.

После я обращаюсь к ней напрямую:

– Оливия, у нас есть проблема, которую нужно немедленно решить.

– Звучит серьезно, – поддразнивает она.

– О, так и есть, – говорит Фредди.

– Мой друг Фредди здесь потому, что несколько месяцев был лишен десерта.

– Много месяцев! – подчеркивает Фредди.

Мой взгляд встречается с Оливией.

¹⁶ Крысолов из Гамельна – гамельский дудочник – персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увел за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

– У тебя, случайно, не будет тридцати лишних пирогов?
На ее лице появляется радость. И благодарность.
– Вообще-то будет.

* * *

Спустя несколько часов после того как запасы Оливии были уничтожены – а за каждый пирог было заплачено любезной королевской благотворительной организацией, – мы с Оливией стоим бок о бок, пока восхищенные и наевшиеся дети выходят через дверь.

Фредди дает мне «пять», когда выходит на улицу.

– Увидимся, Ник.

– Еще бы, – подмигиваю я.

Когда последние дети загружаются и автобус уезжает, мы с Оливией остаемся одни.

– Ты сделал это, чтобы произвести на меня впечатление?

Я убираю руки в карманы и покачиваюсь на каблуках.

– Все зависит от того, впечатлена ли ты?

– Да.

Я не могу сдержать ухмылку.

– Хорошо. Но если быть честным, я делал это не только для тебя. Одно из преимуществ этой работы – получить шанс сделать детей, как Фредди, счастливыми. Даже если это только на день.

Она поворачивается ко мне.

– Ты ладишь с ними. С детьми.

– Я люблю детей. У них нет скрытых мотивов.

Воздух движется между нами, сгущается, хотя не сказано еще ни слова.

– Извини, что напала на тебя вчера, – тихо говорит Оливия.

– Все в порядке.

– Нет, – она качает головой, и прядь волос скользит по ее щеке. – Я погорячилась. Мне жаль.

Я ловлю локон, потирая его между пальцами.

– Я постараюсь не совать свой нос в твои дела.

И я просто не могу удержаться.

– Я сосредоточусь на том, чтобы засунуть его в твои трусики.

Оливия закатывает глаза, но смеется. Потому что наглость – это часть моего обаяния.

Через мгновение она все еще продолжает улыбаться и делает глубокий вдох, как прыгун банджи-джампер перед прыжком.

– Спроси меня снова, Николас.

Это немного пугает, но мне очень нравится, как звучит мое имя на ее губах. Оно легко может стать моим любимым словом. Что глупо даже для меня.

– Я хочу украсть вас, Оливия. Сегодня вечером. Что скажете?

И она произносит то слово, которое мне нравится слы-

шать от нее больше всего:

– Согласна.

Оливия

У меня свидание. Черт возьми.

– Как это выглядит?

Свидание с великолепным, зеленоглазым, ходячим богом секса, мужчиной, который может довести меня до оргазма одним лишь своим голосом.

– «Маленький домик в Прериях» зовет тебя, а Нелли Олесон¹⁷ хочет вернуть свое платье.

О, и он принц. Реальный, живой, настоящий принц, который целует руку даме и заставляет сирот улыбаться... и он хочет залезть ко мне в трусики. Черт возьми!

Но все же он не представляет собой принца на белом коне и стопроцентного «хорошего парня». У него, безусловно, присутствует тенденция вести себя как придурок. Но это нормально. Мне нравятся мужчины с перчинкой. Засудите меня. Это делает все интересным. Захватывающим.

Есть только одна проблема.

– Что насчет этого? – я держу вешалку с черным брючным костюмом.

– Замечательно, если ты планируешь пойти на Хеллоуин в костюме Хиллари Клинтон в 2008-м.

¹⁷ Нелли Олесон – персонаж сериала «Маленький домик в прериях», роль которой исполнила Элисон Арнгрим.

Мне нечего надеть.

Обычно когда женщины говорят, что им нечего надеть, то имеют в виду, что нет ничего нового. Ничего, что заставит нас почувствовать себя красивыми или скрыть несколько лишних килограммов, которые мы набрали, потому что в последнее время подсели на мороженое со вкусом соленой карамели. И это мне одной кажется или в эти дни производители, блин, решили сделать все со вкусом соленой карамели? Это мой криптонит.

Но сейчас не тот случай, и моя дорогая сестра указывает мне на это, пока роется в моем шкафу.

– Боже мой, Лив, ты что, не покупала новую одежду с 2005-го?

– Я купила новое нижнее белье на прошлой неделе.

В стиле бикини, хлопковое, розовое и цвета электрик. На него была скидка, но я купила бы, даже если бы не было. Потому что, если вдруг меня собьет таксист или мне на голову что-то упадет, я не хочу оказаться в отделении неотложной помощи в дырявых трусиках. Это то дно, на которое я отказываюсь опускаться.

– Может, тебе просто стоит надеть нижнее белье и пальто, – Элли поднимает бровь, – мне кажется, Его Сексуальности это понравится.

Мне кажется, она права.

– Интересная идея... но у меня нет пальто.

Я надеваю черную юбку и белую блузку на работу, а рабо-

таю я все время. Ну еще у меня есть пара джинсов, старые треники, старые футболки, платье, которое я носила, когда мне было тринадцать, и брючный костюм, который я надевала на выпускной в школе.

Я падаю на кровать, резко. Будто кто-то прыгнул в бассейн... или с выступа здания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.